This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
127.5
T3A57

2802

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD LIBRARIES

Tatishchev, V.N.
1471/e
891
П235

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. Чудинова.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XXII-й.

Василій Никитичъ Татищевъ.

1685—1750.

ДУХОВНАЯ
МОЕМУ СЫНУ.

Тексты Духовной и Увѣщанія.—Содержаніе Разговора о пользѣ наукъ и др. сочиненій.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1896.

РУССКАЯ Б

ДУХ

24 октября 1895 г.

ТИП. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСК

Кузнецкая
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

И. ГЛАЗУНОВА,

Въ С.-Петербургѣ:
Садовая ул., домъ Публичной Библіотеки, № 20.

Въ Москвѣ:
Петровка, д. бр. Хомяковыхъ, № 20.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Миропольскій. Обученіе грамотѣ. Методическое руководство для учительскихъ семинарій, учителей начальныхъ школъ и руководство педагогическими курсами. Спб. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Задачи, планъ и основы устройства нашей народной школы. Дидактическое пособіе для учителей и учительскихъ семинарій. Изд. 3. Спб. 1884. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткая грамматика церковнославянскаго языка новаго періода. Изд. 8. Спб. 1895. Ц. 60 к.

— Учитель народной школы, его призваніе и качества, значеніе, цѣли и условія его дѣятельности въ воспитаніи и обученіи дѣтей. Съ приложеніемъ мыслей различныхъ писателей древнихъ и новыхъ объ учителѣ и его призванія. Спб. 1890. Ц. 50 к.

— Дидактическіе очерки. Ученикъ и воспитывающее обученіе въ народной школѣ. Спб. 1890. Ц. 35 к.

— Школа и общество. Частная Харьковская Женская воскресная школа. Спб. 1892. Ц. 30 к.

— Учебникъ дидактики вып. 1. Общая дидактика. Спб. 1895. Ц. 60 к.

Наумовъ. Школа рисованія для дѣтей младшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній и начальныхъ школъ. 3 тетради. Спб. 1892. Ц. 2 р.; отдѣльно каждая тетрадь 70 к.

Нейлисовъ. Рѣчь Демосѳена о Вѣнцѣ. Переводъ съ греческаго, съ краткимъ объясненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Спб. 1887. Ц. 50 к.

— Рѣчь Эсхина противъ Ктесифонта. Спб. 1887. Ц. 50 к.

Николаевскій. Руководство къ изученію церковнаго устава съ краткимъ изъясненіемъ Богослуженія Православной церкви. Спб. 1890. Ц. 50 к.

— Объясненіе устава Богослуженія Православной Христіанской Греко-россійской церкви. Спб. 1887. Ц. 50 к.

Николенко. Пособіе для практическихъ занятій при первоначальномъ изученіи русскаго языка въ гимназіяхъ:

— Книга I изд. 6-е. Спб. 1883 Ц. 60 к.

— Книга II изд. 5-е. Спб 1883. Ц. 75 к.

Носовъ. Греческая христоматія. Съ примѣчаніями и словаремъ. Изд. 6-е. Спб. 1892. Ц. 1 р. 25 к.

— Учебная греческая грамматика, Р. Кюнера, изд. 13-е, съ необходимыми измѣненіями и прибавленіями, съ XXIV изданія подлинника. Съ упражненіями для переводовъ съ русскаго языка на греческій при словосочиненіи и съ греко-русскимъ и русско-греческимъ словаремъ. Спб., 1894. Ц. 1 р. 25 к.

— P. Vergilii Maronis Aeneidos L. I—VI; съ примѣчаніями, составленными по Ладевигу, Каппессу, Фрейнду и др. Спб. Ц. 75 к.

— Cornelii Nepotis, liber de excelentibus ducibus exterarum gentium et ex libro de latinis historicitis vita Catonis et Attici. Съ примѣчаніями и словаремъ. Изд. 5-е. Спб. 1888. Ц. 60 к.

— Латинско-русскій словарь, приспособленный къ употребленію въ гимназіяхъ. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

— Латинская христоматія съ объяснительными примѣчаніями къ тексту и словаремъ:

— Ч. 1. Изд. 5-е. Спб. 1887. Ц. 1 р. 25 к.

— Ч. 2. Изд. 3-е. Спб. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

— P. Ovidii Nasonis Metamorphoses, ad usum juventutis selectae:

— Отд. I. съ примѣчаніями и указателемъ собственныхъ именъ, сост. по Зибелису, Гаупту и др. Спб. Ц. 70 к.

— Тоже, отд. II. Спб. Ц. 65 к.

— C. Sallustii Crispi libri de conjuratione Catilinae et de bello Jugurthino. Съ примѣчаніями. Спб. Ц. 60 к.

Кузнецкая
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
№

ДОЗВ ЦЕНЗ. СПБ. 24 ОКТЯБРЯ 1895 Г. ТИП. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ 8.

надъ умомъ, и по апостолу Павлу духъ его побѣжденъ плотію, еюже онъ водимъ. Егдаже человѣкъ приближится къ старости или скорби, болѣзни, бѣды, напасти и другія горести усмирятъ плоть его; тогда свобождается духъ отъ порабощенія, очистится умъ его и пріиметъ власть надъ волею; тогда познаетъ неистовство и пороки юности своея, и начнетъ прилежать о пріобрѣтеніи истиннаго добра, еже познати волю Творца своего; прилежать о знаніи Закона Божія, въ немъ же мы, по Давиду, должны поучатися день и нощь, иже насъ ведетъ и на путь спасенія наставитъ, то есть свѣтъ стезямъ нашимъ и просвѣщеніе душевныхъ очесъ нашихъ. Тако въ старости человѣкъ благоразумный Закономъ Божіимъ и благодатію Его водимъ бываетъ, а воля его или хотѣніе не властвуетъ, якоже Петръ Святый единакою благодатію Божіею и вѣрою во Христа водимъ бысть, и по слову Господню смерть приятъ и прослави его.

Обаче старость сія не по числу лѣтъ разумѣется; но какъ выше показалъ, еже болѣзни, бѣды и печали прежде лѣтъ состариваютъ и умъ очистятъ; яко и Соломонъ рекъ: непорочное житіе есть сущая старость; а печали прежде лѣтъ рождаются, и такими приключеніями человѣкъ иногда въ самой младости обузданъ волею, приводитъ духъ въ сокрушеніе, помышлять и прилежать начнетъ, како испросити милость отъ Творца своего, какъ Духъ Святый усты Давидовыми наставляетъ: призови мя въ день скорби твоея, и изму тя и прославлю тя долготою дней; о чемъ Давидъ собою свидѣтельствуетъ, глаголя: въ день скорби моея Бога взыскавъ, помянувъ Бога и возвеселихся. Пророкъ Іона рекъ: возопихъ въ печали моей ко Господу Богу моему и услыша мя. Давидъ же святый особливо благодать Божескую утверждаетъ, егда рекъ ко Господу: внегда исчезати духу моему, и ты позналъ еси стези моя; которымъ изъявляетъ: еже Господь, видя изнеможеніе духа человѣческа, показуетъ ему путь ко спасенію и въ день лютъ избавитъ его Господь. И хотя человѣкъ собою благодать Божескую пріобрѣсти не возмо-

жетъ, но всемочность Его и милость творитъ возможнымъ, яко самъ рекъ къ Павлу изнемогшему: довлѣетъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается; то есть гдѣ человѣческая немощь, тамо сила Божія совершитъ по благодати Его; всякія слова суть въ глаголы живота вѣчнаго: законъ Господень непороченъ, и миръ многъ любящимъ законъ Господень, той умудряетъ, просвѣщаетъ и вразумляетъ младенцы. Мы же хотя все сіе слышимъ и разумѣемъ, да если исполнять воли словесныхъ не радимъ, что намъ поможетъ знаніе Закона Божія, егда слышу словеса его, ко мнѣ сказанныя: вскую ты повѣдаеши оправданія моя, и восприемлеши законъ мой усты твоими; что мя зовеши: Господи, Господи, а не твориши дѣлъ моихъ! Во истинну наказанія вѣчнаго достоинъ есмь, аще не покаюся.

1.

Мы хотя часто слышимъ словеса Спасителя нашего: бдите и молитеся, да не внидите въ напасть; и зоветъ насъ на покаяніе, глаголя: покайтеся, приближисябо царство небесное; и поучаетъ; смерть приходитъ, яко тать, которыя должны каждой часъ храниться, какъ то и притчами о дѣвахъ мудрыхъ и о Лазарѣ убогомъ изъясняетъ. Но когда мы въ благополучіи находимся, все оное, якобы не намъ реченное презираніемъ уничтожаемъ, и о спасеніи своемъ не радимъ, къ чему прикладъ Златоустаго въ толкованіи словъ Петра апостола, на Фаворѣ сказанныхъ, приличествуетъ же: въ благополучіи человѣкъ и самъ себя забываетъ. Да не безприлично сему и притча о нивѣ угобзившейся человѣку въ явѣ отъ Спасителя сказанная. А когда приидетъ какая бѣда, скорбь или тѣснота, тогда мало нѣчто опамятоваемся и къ покаянію приближаемся; да и тогда не спѣшимъ къ истинному покаянію, а беремъ себѣ въ разсужденіе, авось-либо поживемъ, авось-либо будетъ легче; и вмѣсто лѣкарства душевнаго ищемъ тѣлеснаго, а послѣднее авось-либо успѣю еще покаятися и Бога умилостивлю; а тѣмъ чаяніемъ, и тщетнымъ до-

толѣ откладываніемъ, какъ уже ни на что времени не станетъ, и двери къ покаянію затворятся.

2.

Разсужденіе есть немного лучше сего, яко мнимъ: если я не успѣю въ благотвореніи должнаго при себѣ учинить, а паче что, жалѣя имѣнія, обиженныхъ при себѣ наградить, за лучшее почитаемъ, вмѣсто надлежащаго покаянія и удовлетворенія, при концѣ жизни составить со грѣхомъ купчую или закладную, а сверхъ того и духовную, въ послѣдніи, наполненную ложью, написать; а за тѣ явно умышленные свои грѣхи для спасенія души и отпущенія грѣховъ завѣщаемъ нѣсколько денегъ послѣ смерти по церквамъ раздать, пѣть панихиды, читать псалмы, давать ладонъ и свѣчи, построить церковь, также и въ милостыню раздать, погребеніе богатое и мѣсто, гдѣ погрести, опредѣляемъ.

И сіе частію не худо и не безполезно, частію то тщетно и паче грѣшно, нежели спасительно: ибо милостыня хотя и безспорно есть добродѣтель; но оная не прежде, какъ умилостивимъ обиженнаго, въ добродѣтель почтется; яко Господь повелѣваетъ, глаголя: аще принесеши даръ твой къ алтарю и воспомянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, оставь даръ твой предъ алтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ: еже и притчею о должномъ тысящею талантъ, его же Господь предаде мучителямъ, дондеже все должное воздастъ, утвердилъ сія спасительныя словеса о приношеніи дара или жертвы, по уставу ветхаго Закона положенныя; а въ новой благодати всѣ таковыя кровныя жертвы оставлены, яко Давидъ глаголетъ: жертвы приношеніе не восхотѣ, но едино приношеніе отъ насъ требуетъ—духъ сокрушенъ и смиренъ, и поклоненіе поклонниковъ истинныхъ духомъ и истиною, то есть хваленіе со благодареніемъ: таковыми бо жертвами благоугождается Богъ. И аще та жертва или приношеніе отъ мясъ и крови животныхъ, во враждѣ и обидѣ непримиренно, непріятна; и намъ повелѣно остерега-

тися, коль паче, когда честнѣйшую мою часть, то есть душу, хощу принести къ алтарю Божію, а не хощу примириться съ обиженнымъ; во истину вѣмъ, еже непріятно явится приношеніе, и вмѣсто милости предамся мучителямъ. Что же до милостынь и раздачъ денежныхъ по смерти принадлежитъ, которыми уповаемъ Бога умилостивить, и царство небесное исходатайствовать, оное хотя не чаю, чтобъ Богу противно было, токмо не знаю, гдѣбъ оное Письмомъ Святымъ утверждалось? А противнаго тому довольно слышимъ: яко не поможетъ имѣніе въ день ярости, а едина правда избавляетъ; и не скажется ли мнѣ: сребро твое да будетъ съ тобою въ погибель, яко непщевалъ еси (старался) стяжати даръ Святаго Духа сребромъ. Давидъ Духомъ Святымъ глаголетъ: кая польза въ крови моей, внегда исходити ми во истлѣніе, егда исповѣстися персть или возвѣстить истину твою? и паки: еда повѣсть кто во гробѣ милость твою и истину твою въ погибели? во адѣ же кто исповѣстся тебѣ, и нѣсть въ смерти поминаяй тебя. Сіи Божественныя словеса довольно удостовѣриваютъ, еже по смерти нѣсть покаянія; а противно тому насъ поучаетъ Господь, да покаемся: прежде, нежели зайдетъ солнце, отъимется свѣтъ отъ очесъ нашихъ, двери жениха затворятся, и пропасть велія отъ праведныхъ раздѣлитъ. Обаче, когда я при животѣ обиженнаго наградить время не имѣю, то и по смерти о награжденіи завѣщать, или неправо собранное нищимъ раздать есть несомнѣнно къ моей пользѣ, ибо Богъ доброе намѣреніе за учиненное пріемлетъ, и при концѣ чистое покаяніе не отринетъ, яко самъ Господь при концѣ покаявшемуся разбойнику рекъ: днесь со мною будеши въ раи.

Но оставя о томъ, помышляю и напоминаю о себѣ самомъ. Я хотя вижу себя не великой старости достигша, ибо нынѣ мнѣ еще сорокъ восмой годъ минулъ; но въ болѣзняхъ, скорбяхъ, печаляхъ и гоненіи неповинномъ, и отъ злодѣевъ сильныхъ исчезе плоть моя, и вся крѣпость моя изсше, яко скудель; языкъ мой прильпѣ гортани моему, и нѣсть избавленія плоти

моей, токмо единой просить отъ Господа милости и отпущенія грѣховъ моихъ тяжкихъ, въ нихъ же увязъ, яко въ тинѣ глубины. И видя себя паче разбойника, блуднаго сына, мытаря и блудницы согрѣшивша, стыжуся приступити ко Господу, ниже смѣю очи мои на небо возвести; токмо надѣяся на всещедрую Его милость и обѣщаніе, яко самъ Онъ рекъ: не приидохъ призвати праведники, но грѣшные, въ покаяніе, и о единомъ грѣшникѣ кающемся радуется; въ той токмо надеждѣ, яко мытарь изъ далеча стоя, вопію: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному; яко слѣпый, во грѣсехъ родивыйся, зову: Іисусе, сыне Давидовъ, помилуй мя и помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ; и вѣрую, Господи, яко Ты единъ пришедый въ міръ грѣшные спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ; на Тя единаго надѣюся и отъ Тебя единаго отпущенія грѣховъ моихъ прошу, зане никто инъ можетъ грѣхи отпущати, токмо Ты единъ. Сіе есть исполненіе перьвой Заповѣди, еже любити Бога отъ всего сердца моего, и вѣровати въ него единаго. Но сіе ко спасенію моему недовольно; а надлежитъ мнѣ исполнять и по второй Заповѣди, еже долженъ есмь любити ближняго, яко самаго себя: ибо любовь къ Богу безъ любви къ ближнему несовершенна, яко Богословъ рекъ: любяй брата своего во свѣтѣ пребываетъ; аще же любитъ Бога, а брата ненавидитъ, ложь есть. Павелъ Святый глаголетъ: аще всю вѣру имамъ, яко и горы представляти, любвеже не имамъ, ничтоже есмь. Да недовольна любовь простая и бездѣйствительная, яко мѣдь звящаяй. Апостолъ Павелъ, поучая въ любви къ ближнему, дѣйства ея заключаетъ въ милосердіи, благодѣяніи, истинѣ и прочая; и паки: аще кто о своихъ, а паче о присныхъ не промышляетъ, Вѣры отвержеся и невѣрнаго горше есть. Кійже есть ближайшій и приснѣйшій по естеству и Закону паче, нежели жена и дѣти, о которыхъ, колико и како должни любити, въ Письмѣ Святомъ довольно повелѣнія и наставленія имѣемъ; яко о женѣ Господь первый законъ по сотвореніи положилъ—умножить родъ, а заключилъ: сего ради

оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ оба въ плоть едину. Апостолъ Павелъ поучаетъ: любите своя жены, яко своя тѣлеса; а женѣ повелѣваетъ, мужа чтить яко главу, бояся яко Господа, и повиноватися ему во всемъ яко Господу. О чадѣхъ же, како ихъ любити, довольно въ Писаніи, яко отъ Закона, тако и отъ прикладовъ видимъ, яко Соломонъ глаголетъ: отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте въ наказаніи и ученіи Господни; и паки: студъ отцу не наказанъ сынъ, любяй сына своего участитъ ему раны. Павелъ Святый глаголетъ: которой сынъ есть егоже не наказуетъ? потомъ толкуетъ: еже наказаніе есть наученіе, и послѣди радость и плодъ миренъ правды именуетъ. За ненаказаніе же или ненаставленіе дѣтей видимъ отъ Господа отцевъ наказанныхъ, яко читаемъ о священникѣ, иже наказанъ за неистовство сыновъ его.

Сего ради я прилежалъ тебя, любезный мой сынъ, отъ самаго младенчества потребному и полезному научить, къ чему ты довольно способа имѣлъ и еще имѣть можешь, если токмо въ тебѣ смыслъ и прилежность не оскудѣютъ. И какъ уже нахожусь въ крайней слабости и безъ надежды долго жизнь мою соблюсти, такъ предаю твое наученіе болѣе на твою прилежность; а сверхъ онаго и сіе краткое завѣщаніе оставляю. И хотя Писаніе учитъ: идѣжебо завѣтъ нужно есть въ привнитіи смерти завѣщающаго, завѣтъ бо въ умершихъ извѣстенъ, и ничесоже можетъ, егда живъ есть завѣщаяй; обаче сей мой завѣтъ не требуетъ моея смерти: ибо при жизни моей толико дѣйствителенъ, елико по смерти; и если похочешь что исполнить, несомнѣнно всіо въ твою пользу быть можетъ всегда.

Въ началѣ о имѣніи моемъ не имѣю что завѣщать, зане помню—по естеству и закону всему единъ ты наслѣдникъ и нѣсть иного. А хотя дочь, а твою сестру, Евпраксію, имѣю, но оная при замужествѣ по возможности награждена и ничего требовать не можетъ, кромѣ что съ нею жить

любовно, какъ выше сказано; а при томъ всѣ, кто мнѣ долженъ, или отъ кого что имѣешь взять, все въ указномъ мѣстѣ показано.

О погребеніи моемъ не могу болѣе завѣщать, какъ едино, дабы въ томъ мѣстѣ, гдѣ меня смерть постигнетъ, безъ великихъ чиновъ и убранствъ, по Закону Христіанскому, погрести; и сіе не для сожалѣнія денегъ моихъ, но паче бояся, дабы великолѣпіе таковое, какъ обычай есть, не причлося къ тягости грѣховъ моихъ тяжкихъ.

Затѣмъ, что къ твоему собственному знанію принадлежитъ, прочитай слѣдующее со вниманіемъ, имѣя въ памяти.

I.

Главнѣйшее есть вѣра, въ которой ты хотя часто разговорами пространнѣе отъ меня наставливанъ; но надлежитъ отъ самой юности даже до старости въ Законѣ Божіи поучатися день и нощь, и съ ревностію о томъ прилежать, дабы познать волю Творца своего; зане оное просвѣтитъ умъ твой, наставитъ тя на путь правый, есть единый свѣтъ стезямъ нашимъ и премудрость дражайшая паче злата и сребра и каменія драгоцѣнна, еже ничто достойно есть. Давидъ говоритъ: ащебы не Законъ Твой поученіе мое былъ, тогда убо погиблъ быхъ. Для сего нужно тебѣ со вниманіемъ читать Письмо Святое, то есть Библію и Катехизисъ; а къ тому книги Учителей Церковныхъ, между которыми у меня Златоустаго главное мѣсто имѣютъ; Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Аѳанасія Великаго и Ѳеофилакта Болгарскаго, также печатныя въ нынѣшнія времена истолкованія десяти Заповѣдей и блаженствъ, которое за Катехизисъ [1]), а малая Букварь, или Юности Честное Зерцало, за лучшее нравоученіе служить могутъ; и всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно. Прологи житія Святыхъ въ Минѣяхъ Четьихъ

[1]) Соч. Ѳеофана Прокоповича: „Букварь Славенскій съ толкованіемъ заповѣдей, символъ вѣры, молитвы Отче нашъ и блаженствъ евангельскихъ“ (1724).

надобно читать такому, кто довольно въ Письмѣ Святомъ искусился, и могъ бы довольно разсудить, ибо хотя въ нихъ многія гисторіи въ истинѣ бытія, кажется, оскудѣваютъ, и неразсуднымъ соблазны къ сомнительству о всѣхъ нихъ въ положенныхъ подать могутъ, однакожъ тѣмъ не огорчевайся, но разумѣй, что все оное къ благоуханному наставленію предписано, и тщися подражати дѣламъ ихъ благимъ.

А хотя тебѣ и довольно останется моихъ книгъ, однакожъ еще старайся о собраніи полезныхъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, что тебѣ въ жизни неоцѣненнымъ сокровищемъ служить будетъ.

Потомъ, когда довольно въ Законѣ своемъ научишься, нужно тебѣ и несогласныхъ нашей Восточной Церкви книги Лютерскія, Кальвинскія и Папижскія читать для того, что мы, съ ними всегдашнее обхожденіе имѣя, часто въ разговоры, до Вѣры принадлежащіе, входимъ, и если ты подлинно ихъ основаній и толковъ не знаешь, то легко обмануться и соблазниться можешь, а особливо отъ Папистовъ, яко весьма въ томъ коварныхъ ихъ духовныхъ, остерегаться, и невѣдущему довольно Закона съ ними въ такіе разговоры вступать небезопасно для того, что они въ нѣкоихъ церковныхъ признаніяхъ и во многихъ наружныхъ или чиновныхъ обстоятельствахъ, особливо же въ призываніи Святыхъ, въ поклоненіи Иконамъ и въ постахъ, кажутся весьма къ нашему исповѣданію близки, которыми невѣдующіе Закона Божія легко обманываются; но въ главнѣйшихъ такъ далеки, что едва можетъ ли кто ихъ за Христіанъ, а иногда Каѳоликами, какъ они хотятъ именованы быть, почитать, и тѣмъ ихъ называть не можемъ.

Если бы ты столь довольно въ Вѣрѣ научился, или читаніемъ книгъ разума о Вѣрѣ пріобрѣлъ, и нѣкоторыя погрѣшности и неисправности или излишнее въ своей церкви быть возмнилъ, никогда, ни для какого тѣлеснаго благополучія отъ своей Церкви не отставай и Вѣры не перемѣняй, ибо никто безъ нарушенія чести того учинить не можетъ:

ниже въ явныя жестокія или упрямыя пренія съ единовѣрными вдавайся, опасаясь, чтобъ у людей злого мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразсудныхъ можешь и претерпѣть, въ чемъ я тебѣ себя въ примѣръ поставляю. Я хотя о Богѣ и правости Божественнаго Закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или преніе вступалъ; но по тому что я нѣкогда о убыткахъ, законами человѣческими въ тягость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ невѣдущихъ Божьяго Закона, и токмо человѣческіе уставы противо заповѣданія Христова чтущихъ, не токмо за еретика, но и за безбожника почитанъ и немало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ; токмо до днесь благодатію Божею и великодушіемъ презрѣвъ такія клеветы и злонамѣренія, терпѣливостію преодолѣвъ, ихъ лицемѣрнымъ поступкамъ и фарисейскимъ ученіямъ не послѣдовалъ: тако и тебѣ совѣтую со всевозможнымъ прилежаніемъ отъ того охраняться, и сіе есть главное въ твоей жизни.

II.

Весьма нужно тебѣ поучатися и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее—право и складно писать; затѣмъ ариѳметика, геометрія, артиллерія и фортификація, и прочія части математики, такожде нѣмецкой языкъ, что тебѣ необходимо нужно, для извѣстія о состояніи государства нашего; гисторія русская, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь, и ко оной примѣчанія и дополненія, изъ чужестранныхъ книгъ выписанныя на разныхъ бумагахъ, если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать, и какъ себѣ, такъ и всему Отечеству въ пользу употребить; географія русская, которую всему шляхетству русскому знать нужно; сіѐ никто не сочинилъ, и я хотя много о томъ трудился, но окончать не надѣюсь, ибо того безъ помощи Государя никакъ сдѣлать не можно: однакожъ, ты изъ учиненнаго мною распорядка можешь довольно ея пользу знать.

891
П235

Необходимо нужно есть знать законы гражданскіе и воинскіе своего отечества, и для того, конечно, во младости надобно тебѣ уложенье и артикулы воинскіе, сухопутные и морскіе, не однова, а нѣкогда и печатные указы прочитать, дабы какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ силу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть; наипачеже объ ономъ, по причинѣ собственныхъ своихъ и постороннихъ дѣлъ, съ искусными людьми разговаривать, и порядкамъ, якоже и толкованію законовъ, неменьше же и коварства ябедническія познавать, а не дѣлать, но учиться должно, что тебѣ къ немалому счастію послужитъ.

III.

Почтеніе родителей есть первое въ любви ближняго, по Закону Божію, яко въ десяти Заповѣдяхъ положено: чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли; а злоречай родителей смертію да умретъ. И далѣ: проклятъ есть, кто отца или матерь злоречитъ. Соломонъ учитъ: сыне, послушай наказанія отца твоего и не преслушай повелѣнія матери твоея; сынъ премудръ веселитъ отца, а безуменъ печаль матери. Сирахъ цѣлую главу о должности дѣтей написалъ; паче же отъ Христа и Апостолъ о томъ довольно повелѣнія имѣемъ. И хотя я съ матерью твоею нѣкоторымъ приключеніемъ разлучился, чрезъ что наше обѣщаніе брачное нарушено; но тебѣ нѣтъ въ томъ нималой причины къ нарушенію твоей должности. И еслибы ты видѣлъ въ родителяхъ какіе пороки, не долженъ ты быть Хамомъ, презрѣвшимъ должность, и посмѣяться родительницѣ; но буди, яко Симъ, прикрывая твоею одеждою наготу слабости ея, и если ты понадѣешися на то, что матери тебя, по слабости женской, наказать по достоинству неудобно, то вѣдай и вѣрь подлинно, что Богъ обиды родителей безъ отмщенія не оставитъ, какъ то пагуба Авессалома сына Давидова тебя удостовѣриваетъ; и то еще сказано: не презри отца и заступи въ старости его.

IV.

По окончаніи наукъ, какъ токмо въ возрастъ осьмнадцати лѣтъ приидешь, хотя въ тебѣ тогда наиначе любовь къ женамъ и явится, однакожъ для будущаго благополучія, яко для пріобрѣтенія чести и способности, должно тогда тебѣ въ опредѣленную государственную услугу вступить, о чемъ тебѣ послѣ яснѣе покажу; а по прошествіи тридцати лѣтъ должно о бракѣ думать, и слѣдующее въ памяти имѣть: Всевышній Богъ сотворилъ человѣка; видя, яко не добро ему единому быти, сотворилъ ему помощницу, сирѣчь жену, и въ тотъ часъ положилъ имъ первѣйшій завѣтъ: раститеся и множитеся и наполните землю, который мы всѣ должны исполнить, если немощь тѣлесная или иныя обстоятельства и неудобности не удержатъ. Но при вступленіи въ бракъ съ довольнымъ разсужденіемъ поступать: 1) Хотя многіе родители мнятъ, для увеселенія своего или для удержанія дѣтей своихъ отъ продерзостей, весьма младыхъ сочетать; но изъ того частію немалой вредъ ощущаютъ тѣмъ, что младые люди какъ въ дружбѣ, такъ и въ любви нетверды; и для того сначала хотя довольно любовь изъявятъ, но рѣдко въ томъ постоянны пребываютъ; а особливо, что мы не по нашей волѣ въ службу опредѣляемся, и по нѣскольку лѣтъ за отлученіемъ, жены и дому не видимъ, чрезъ что любовь супружеская весьма часто разрушается. Они жъ тѣмъ раннимъ бракомъ много ко приобрѣтенію Науки, и чрезъ службу въ неисканіи себѣ благополучія, препятствуютъ; а наипаче многократно здравіе себѣ разрушаютъ, и вмѣсто ищемаго родителямъ и себѣ увеселенія, немалое оскорбленіе и съ сожалѣніемъ о учиненномъ наносятъ. И для того лучшія лѣта брака отъ 30 лѣтъ почитаютъ. 2) О персонѣ супруги: хотя о супружествѣ или о любви никто болѣе разсуждать не можетъ, какъ сочетающіеся, и для того на власть родителей и воспитателей закономъ узда наложена, чтобъ силою и противу воли къ сочетанію не принуждали; однако въ толь великомъ

дѣлѣ, на которомъ немало благополучія нашего зависитъ, самому себѣ, наипаче же человѣку неискусившемуся, вѣрить не можно, ибо любовь часто такъ помрачаетъ умъ нашъ, что мы иногда иаще благополучіе, здравіе и погибель презираемъ. И для того въ такомъ дѣлѣ, какъ бы тебѣ всѣ обстоятельства пріятны ни казались, нужно употребить въ совѣтъ людей искусныхъ, а паче надежныхъ родственниковъ и свойственниковъ; ненадежныхъ же весьма въ такомъ совѣтѣ должно остерегаться, дабы по недовольному тебѣ обстоятельству вреда не принесли, какъ то мнѣ въ мою жизнь довольно такихъ коварствъ вѣдать и видѣть случилось, что по скрытной злобѣ къ жениху или невѣстѣ, невинно злоречатъ и разбиваютъ, или непотребное и недостойное похваляютъ и прельщаютъ, а послѣ насмѣхаются. 3) Что до персоны супруги касается, то главныя обстоятельства—лѣпота лица, возрастъ и веселость въ компаніи, которую женамъ большую похвалу приносятъ, и тѣмъ много молодые прельщаются. Но какъ извѣстно, что въ краснѣйшемъ яблокѣ наиболѣе черви, а при лѣпотѣ женщинъ продерзости находятся, для того оное бываетъ не безопасно; противно же тому безобразныя хотя нѣкогда достаточнаго ума бываютъ, и многократно въ супружествѣ любовь твердо со удовольствіемъ супруга хранятъ, однакожъ равно, какъ старѣе себя жену взять весьма не безопасно, ибо если хотя мало любовь нарушится, вскорѣ мысль и склонность къ младшей или лѣпѣйшей явится, и чрезъ то брачное обязательство разрушается, а за тѣмъ все состояніе въ безпорядокъ, и домъ въ безпутство и раззореніе приходитъ. И для того посредственная красота и равность лѣтъ, или жена не менѣе десятью лѣтами моложе къ сожитію есть лучше. 4) Обстоятельство богатства, которое многихъ прельщаетъ, и правда, что чрезъ оное многое иногда благополучіе пріобрѣтается; но я помню Давидскія слова: богатство аще течетъ не прилагайте сердца, и Назіанзина: не ищи богатства, егоже любитъ время, наста время и погубитъ; и для того конечно должно въ супруже-

ствѣ не искать богатства, а особливо тебѣ: оставлю моего имѣнія, чѣмъ честно жить и неоскудно ѣсть; ищи главнаго, то есть жены, съ кѣмъ бы можно въ веселіи вѣкъ свой препроводить. 5) Свойство доброе, а особливо намъ изъ онаго не малая польза: ибо добрые свойственники лучше, нежели великое приданое бываетъ, зане по обязательству свойства они въ совѣтѣ благонадежнѣе, нежели сторонніе, и въ нуждахъ помощь подать и охранить способнѣе: противоже тому, изъ подлости взятыя жены хотя бываютъ довольно милы и честнаго житія, но ихъ родственники за подлость неприятны, зазрѣніе и поношеніе наносятъ, а особливо холопки, какъ бы оныя достаточны ни были: честные дворяне великое отвращеніе имѣютъ. Хотя отцы ихъ, по своему природному коварству, иногда и въ чиновныхъ людяхъ бываютъ, однакожъ всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище, а великородные иногда гордостію надменны, и супругамъ уничтожительны являются, и для того равное есть согласнѣйшее съ твоею пользою. 6) Главнѣйшее въ женѣ доброе состояніе, разумъ и здравіе еже все оно превосходитъ; яко Сирахъ сказуетъ: еже честная благоразумная жена паче злата, и паки имянуетъ ее вѣнцемъ и веселіемъ мужа, якоже и подлинно есть. 7) По сочетаніи, главное въ твоей должности есть еже къ женѣ любовь и вѣрность ненарушиму сохранять, и за нею того прилежно смотрѣть, яко и Духъ святый повелѣ, глаголя: должни суть мужіе любити своя жены, яко своя тѣлеса, и яко мужъ долженъ женѣ, тако жена мужу, любовь воздавать, и жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ, а мужъ своимъ тѣломъ не владѣетъ, но жена: и вси сіи слова Апостольскія поучаютъ о твердости любви супружеской; однакожъ весьма отъ ревности, безпутности и жестокости охраняться. Ибо хотя многіе несмысленные разсуждаютъ, якобы ревность отъ любви происходитъ, но я довольно искусился, что оная любовь и вѣрность разоряетъ и нехотѣвшую супругу огорченіемъ на противные и коварные поступки приводитъ.... И для того, еслибы что тебѣ и противно показа-

лось, не надобно скоро и запальчиво поступать, но добрымъ порядкомъ тайно разсужденіемъ отъ того отвратить, и на лучшіе поступки наставить, а не разглашать, ниже видъ невѣрности другимъ показывать; пачеже имѣя то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница и во всемъ другомъ должна быть нелицемѣрнымъ, такъ и тебѣ съ ней должно быть; въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилежать; въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручать, а за тѣмъ и самому нелѣностно смотрѣть. 8) Однакожъ храниться надлежитъ, чтобъ тебѣ у жены не быть подъ властію, сіе для мужа очень стыдно, и чрезъ то можетъ у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать, и слабость своего ума изъявить. Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже довольно видимъ, а особливо высокопарныя, а лучше сказать, глупыя жены безразсудно того желаютъ, иногда своею безумною гордостію, подлыми пересмѣшками, пустымъ болтаніемъ, дурацкою ревностію, безвинно честныхъ людей много вредятъ и поносятъ; а сами всегда такія пустальги и негодницы больше всѣхъ въ томъ обращаются, и думая закрыть тѣмъ враньемъ свои пороки, непрестанно бредятъ, какъ попугаи, что имъ на мысль придіотъ, а больше онѣ подобны соннымъ или въ горячкѣ больнымъ, которыя говорятъ, а о чемъ, послѣ и сами не знаютъ, а за то иногда такую бѣду или несчастіе мужу своему наносятъ, что онъ, невинно получа себѣ отъ жениной глупости новыхъ и неизвѣстныхъ злодѣевъ, отъ которыхъ остеречь себя, а особливо не зная прямой причины, отчего сіе случилось, принужденъ будетъ страдать и несчастіе терпѣть; и отвратить намѣренія своихъ неизвѣстныхъ злодѣевъ весьма будетъ трудно. Златоустъ о сихъ безумныхъ и бѣшеныхъ женахъ внятно толкуетъ. Напротивъ же того, благоразумныя и честнаго житія жены никогда подъ властію своего мужа имѣть не желаютъ; сіе тебѣ всегда надлежитъ въ памяти имѣть, что Всевышній и Всемогущій Творецъ Богъ жену Еву мужу Адаму Божественнымъ своимъ Закономъ подъ власть опредѣлилъ. 9) А затѣмъ еще тебѣ о брачномъ сочетаніи послѣднее хочу изъявить:

не дѣлай свадебной церемоніи, чтобъ не сдѣлать изъ себя живой картины, какъ мыши кота погребаютъ. 10) По сочетаніи жъ брака, ежели хочешь спокойной жизни, то ханжей, бродягъ и тому подобныхъ потаскушъ и вѣстопошей, какъ злѣйшаго яда, берегись, и елико возможно, такихъ отъ дому своего пристойнымъ образомъ отлучай, какъ бы оныя тебѣ утѣшны ни казались; ибо отъ нихъ всегда поношеніе, ссоры съ друзьями и несогласія между супружествомъ, однимъ словомъ сказать, кромѣ вреда ничего добраго не бываетъ; сіи звонкіе колокольчики за деньги не токмо тебя, но и себя продать въ состояніи.

Болѣе-же о любви и должности къ женѣ, родителямъ, дѣтямъ, друзьямъ и рабамъ достаточное Письмо Святое тебѣ наставленіе подастъ, и для того оное читай прилежно, и чтися по оному поступать.

V.

Въ службѣ Государю и Государству долженъ ты быть вѣренъ и прилеженъ во всякомъ положенномъ на тебя дѣлѣ, такъ о пользѣ общей, какъ о своей собственной прилежать, и Государю, яко отъ Бога постановленной надъ тобою Власти, честь и повиновеніе отдавать; яко и Господь самъ учитъ: воздаждь Богу божіе, а Царю царево. А потомъ Павелъ повелѣваетъ: властямъ повиноватися такъ за очи, какъ во очи, равно какъ самому Богу; Петръ же еще и то повелѣваетъ: раби должны повиноватися властемъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. Посему, если на тебя случится гнѣвъ Государевъ, не злобствуй на него, но разсуждай, что сіе по твоей винѣ или по невиниому оклеветанію отъ кого терпишь, и пріемли съ благодареніемъ, яко отъ Бога посланное наказаніе.

Главное же повиновеніе собственно въ томъ состоитъ, что ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не называйся, если хочешь быть въ благополучіи, яко той-же Павелъ поучаетъ: рабовъ въ онь

же звани бысте во единомъ тѣлѣ и благодарны бывайте. И хотя сіи слова Апостольскія всякому безъ сомнѣнія принять за Законъ непоколебимый должно, ибо словеса Христовы яко самъ рекъ: слушаяй васъ мене слушаетъ, а о твердости словесъ своихъ сказа: небо и земля мимо идетъ, словеса же мои не прейдутъ,—однакожъ мы иногда, по слабовѣрію нашему, лучше на другихъ прикладахъ видимыхъ, нежели на Законѣ, утверждаемся, и для того я тебѣ въ примѣръ мое собственное искусство представляю. Родитель мой въ 1704 году, отпуская меня съ братомъ въ службу, сіе намъ накрѣпко наставлялъ, чтобы мы ни отъ какого положеннаго на насъ дѣла не отрицались, и ни на что сами не назывались; и когда я оное сохранялъ совершенно, и въ тяжчайшихъ трудностяхъ благополучіе видѣлъ; а когда чего прилежно искалъ или отрекался, всегда о томъ сожалѣлъ: равно же и надъ другими видѣлъ. Что же къ вѣрности и ревности въ службѣ Государю и Государству принадлежитъ, то весьма вѣрно служащіе какъ милости и награжденія получаютъ, такъ великимъ опасностямъ и горестямъ подвержены для того, что отъ всѣхъ плутовъ, хищниковъ и прихотьми преисполненныхъ ненависть и клеветаніе и гнѣвъ претерпѣваютъ, какъ мнѣ при Петрѣ Великомъ и нынѣ отъ злодѣевъ приключилось, что я съ великимъ гоненіемъ невинно гнѣвъ Ихъ Величествъ претерпѣлъ напрасно; однакожъ напослѣдокъ отъ Его Величества вѣчно достойныя памяти Петра Великаго не токмо довольное награжденіе, но и высокую милость чрезъ то оклеветаніе получилъ, а оклеветатели посрамились. И для того въ томъ, не взирая на такія злостныя нападки, мужественно и благоразсудно вѣрность храни, и о пользѣ всеобщей неусыпно прилежи, власть и честь государя до послѣдней капли крови защищай; съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть Монарха уменьшить никогда не согласуйся: понеже оное Государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ гисторіи нашего государства ясные приклады показать могутъ, какъ то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно

Кузнецкая ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА №
9457
w 1748

начинали, а паче же всего тайность Государя прилежно храни, и никому не открывай; всегоже болѣе женщинъ и льстецовъ хитрыхъ охраняться, чтобъ нечаянно изъ тебя не вывѣдали. И для того о такихъ дѣлахъ ни съ кѣмъ въ разговоры не вступай, а если кто тебѣ и о подобномъ дастъ причину чрезъ разговоръ, то старайся ту рѣчь немедленно въ иной разговоръ превратить, чтобъ къ твоей тайности не приближиться.

VI.

Разность услугъ шляхетскихъ есть троякая, яко: военная, гражданская и придворная; и хотя четвертая есть духовенство, но въ оное рѣдко шляхетство употребляется, и то развѣ чрезъ монашество; но токмо нынѣ наши дворяне, хотя бъ кто престарѣлыхъ лѣтъ былъ и не имѣющій пропитанія, монахомъ быть ни малой склонности не имѣютъ; сіе для такихъ людей весьма непохвально.

Военная услуга намъ, яко шляхетству, по природѣ первая быть должна, въ которую такъ скоро надобно вступать, какъ скоро человѣкъ въ возрастъ приидетъ, силу и бодрость себѣ ощутить: понеже весьма молодому въ великую нужду и безпокойство вдаваться здравію и доброму состоянію опасно; а особливо что человѣкъ во младости невоздерженъ, и будучи въ солдатствѣ между подлостію, легко благонравіе и пристойность потерять и къ безпорядку прилѣпиться можетъ, и чрезъ то какъ себѣ, такъ и государству, мало полезными бываютъ, каковыхъ прикладовъ, съ сожалѣніемъ, весьма много видимъ. Противно же тому, если кто долго въ домѣ удержится, и къ домашнему обхожденію, а болѣе своевольству привыкнетъ, то ему подъ властію быть, послушаніе и прилежность изъявить и себѣ произвожденіе пріобрѣсти весьма трудно является, и затѣмъ многіе въ закоснѣніе и негодность приходятъ. Для того въ военную службу вступать есть лучшее время отъ 18 до 25 лѣтъ.

Вступя въ службу, хотя храбрость есть наилучшая воину

похвала, но неразсудная запальчивость есть самая глупость, и не меньше робости какъ себѣ, такъ и Отечеству вреда приноситъ; и для того нужно весьма въ томъ остерегаться, чтобъ какъ свой животъ, такъ и пользу отечеству сохранить; никогда нагло не врываться, а паче хранить, чтобъ подвластныхъ твоею опрометчивостію не погубить. Противно же тому робость есть тяжчайшій солдату порокъ и поношеніе. И для того, елико возможно, надлежитъ посредство хранить, чтобъ въ предъ не вырываться и назади не оставаться; за тѣмъ прилежать, отъ начальниковъ почтеніемъ и послушаніемъ, а отъ подвластныхъ ласкою, разсудительностію и благоразуміемъ почтеніе и любовь пріобрѣсти, что тебѣ главнымъ благополучіемъ быть можетъ; а затѣмъ твердо Предтечевы слова въ памяти имѣй, который, яко Учитель покаянія, всѣхъ на то призывая, поучаетъ прилежати молитвѣ, и постомъ смиряти тѣло; но вопросившимъ воиномъ оное, яко трудное и неспособное, оставя рекъ: никогоже обидите, не оклеветайте, и довольни будете своими оброки.

VII.

Другая служба шляхетская есть гражданство. Вѣчно достойныя памяти Его Императорское Величество Петръ Великій, видя, что въ гражданствѣ искуснаго шляхетства за отлученіемъ въ воинство не доставало, а изъ подлости и убожества опредѣленные безсовѣстно государство раззоряли, четыре весьма изрядныя и государству полезныя учрежденія сдѣлалъ, яко: въ коллегіяхъ, для обученія гражданскимъ дѣламъ, а для обученія иностраннымъ, при всѣхъ Россійскихъ министрахъ, быть изъ шляхетства юнкерамъ; другое: въ секретари кромѣ шляхетства не производить; третье, чтобъ въ услуги гражданскія, какъ резиденціи, такъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, шляхетству достойныхъ избирать, и по большинству голосовъ опредѣлять; четвертое—всѣхъ довольно въ войскѣ послужившихъ, или для слабости не могущихъ, повелѣлъ, отставливая, въ гражданство опредѣлять, и служащихъ

въ зиму въ домы, для правленія ихъ вотчинъ и домовъ, отпущать, что хотя съ пользою государственною весьма согласно, но какъ Его Величество по волѣ Всевышняго Творца вскорѣ потомъ, и прежде нежели тѣ, яко же другія весьма полезныя учрежденія частію зачеты, но во употребленіи не утверждены были, частію же неначатыя остались, отъ временнаго въ вѣчное царство переселился; такъ скоро безсовѣстные сребролюбцы, для коварнаго самолюбства или незнанія, презрѣвъ отечества своего пользу, разными случаи, перво скрытно, а во время малолѣтнаго Государя, и нагло, всѣ тѣ благія Учрежденія уничтожили, и начатыя дѣла раззорили, что уже и по вступленіи на престолъ Ея Императорскаго Величества, нынѣ счастливо царствующей Государыни [Императрицы Анны Іоанновны], возобновлять стало небезтрудно: итакъ остается, доколѣ либо разсужденіе и поступки Петра Великаго тѣмъ двери къ коварствамъ затворятъ. И сіе тебѣ токмо впредь для памяти написалъ. Онъ же, какъ видимъ, шляхетству опредѣлилъ всѣмъ отъ младенчества быть въ школахъ и потомъ служить въ войскѣ, доколѣ за старостію и дряхлостію неспособенъ явиться можетъ, таковыхъ въ услугу гражданскую отставлять повелѣлъ. Однакожъ, нѣкоторые за пьянство и другіе пороки отъ воинской службы брошены, а чрезъ своихъ друзей къ разнымъ дѣламъ по неспособности и по незнанію тѣхъ мѣстъ должностей опредѣляются; и можетъ ли сіе ихъ управленіе дѣлъ полезнымъ быть? чего же ради сіе дѣлается, я не разумѣю и разсуждать не могу. Но понеже всякъ безспорно сказать можетъ, что гражданская услуга въ государствѣ есть главная; ибо безъ добраго и порядочнаго внутренняго правленія, ничто же въ добромъ порядкѣ содержано быть не можетъ, и во ономъ гораздо болѣе памяти, смысла и разсужденія, нежели въ воинствѣ, потребно; для того необходимо нужно всякому градоправителю законы и состояніе своего государства обстоятельно знать и разумѣть, изъ чего можетъ польза и вредъ приключиться.

И для того, хотя ты въ военную службу опредѣлишься,

всегда должно въ памяти имѣть, чтобъ тебѣ когда въ гражданство опредѣлиться. Для познанія, какъ о чемъ разсуждать, паче всего старыхъ, честныхъ и разумныхъ людей разсужденія прилежно слушай, что тебѣ довольно въ память вкорениться можетъ.

По вступленіи въ дѣло, наипаче всего храни правосудіе во всѣхъ дѣлахъ твоихъ, не льстяся ни на какую собственную пользу, помня то, что хотящіи богатитися впадаютъ въ бѣды и напасти, и что неправедное созданіе прахъ есть. И подлинно онымъ хотя на малое время возвеселишися, но совѣстію всегда будешь мучиться, и оное богатство весьма непрочно. Наипаче въ дѣлахъ государственныхъ ущербъ казнѣ, какимъ бы то образомъ вѣдѣніемъ ни учинилъ, конечно, видимо болѣе тебѣ вреда приключитъ: нѣсть той тайны, еже не откроется; для того прилежно хранися. А хотя за трудъ и доброхотство отъ приносящаго взять ни предъ Богомъ, ни предъ Государемъ не погрѣшу, яко и Письмо Святое учитъ: служаяй алтарю отъ алтаря питается; обаче и то мнѣ въ памяти, что мзда и мудрыхъ очи ослѣпляетъ. Да не безъизвѣстно жъ и то, что которые безсовѣстные судьи иногда указы о лихоимствѣ и на все мздоимство наклоняютъ, токмо они тѣмъ болѣе сами, нежели мзду взявшіе, свою душу губятъ: ибо лихоимство есть неправо взятое, а мзда принадлежитъ дѣлающему по должности, яко Письмо Святое повелѣваетъ: дѣлающему отдаждь мзду безъ умаленія и достоинъ есть дѣлатель мзды своея. Мнѣ случилось въ отвѣтѣ противъ доноса Никиты Демидова въ 722 году на вопросъ о взяткахъ произвести Апостольское слово: дѣлающему мзда не по благодати, но по долгу; и оное было дѣло въ верховномъ судѣ, на которое Его Императорское Величество самъ изволилъ отъ меня изъясненія спросить, на что я ему сверхъ объявленнаго доносилъ: Въ началѣ судія долженъ смотрѣть на состояніе дѣла; если я, и ничего не взявъ, противу Закона сдѣлаю, повиненъ; а если изо мзды къ законопреступленію присовокупится лихоимство, и долженъ сугубаго наказанія;

когда же право и порядочно сдѣлаю и отъ праваго возблагодаренія приниму, ничѣмъ осужденъ быть не могу: 1) если мзду за трудъ причтешь во мздоимство, то конечно болѣе вреда государству и раззоренія подданнымъ послѣдуетъ, ибо я долженъ, за получаемое жалованье, работать только до полудни, въ которое мнѣ, конечно, времени на рѣшеніе всѣхъ нужныхъ просьбъ не достанетъ; а послѣ обѣда трудиться моей должности нѣтъ; 2) когда я вижу дѣло въ сомнительствѣ, то я, никогда внятно его изслѣдовать и о истинѣ прилежать причины не имѣя, буду день отъ дни откладывать, а челобитчикъ принужденъ съ великимъ убыткомъ волочиться и всего лишиться; 3) дѣла въ канцеляріяхъ должны рѣшиться по регистрамъ порядкомъ; и случается то, что нѣсколько дѣлъ весьма не нужныхъ впереди, а послѣднему по регистру такая нужда, что если ему дни два рѣшеніе продолжится, то можетъ нѣсколько тысячъ убытка понести, что купечеству нерѣдко случается: и такъ отъ праваго порядку можетъ болѣе вреда быть. Если я вижу, что мой трудъ не втунѣ будетъ, то я не токмо послѣ обѣда и ночью потружуся, игры, карты, собаки и бесѣды или прочія увеселенія оставлю, и не смотря на регистръ, нужнѣйшія прежде ненужнаго рѣшу, чѣмъ какъ себѣ, такъ просителямъ пользу принесу, и за мзду взятую отъ Бога и Вашего Величества по правдѣ сужденъ быть не могу; на что Его Величество изволилъ сказать: Сіе все правда, и для совѣстныхъ судей невинно; токмо не безъ опасности безсовѣстнымъ позволить, чтобъ подъ тѣмъ доброхотнымъ принужденнаго не было, и лучше виннаго и безсовѣстнаго закономъ помиловать, нежели многихъ невинныхъ онымъ отяготить.

Сіе тебѣ довольно показываетъ, чтобъ ты прилежалъ наипаче всего о правосудіи. Не предай немощнаго въ руки сильному; никогда себѣ не воображай, что ты за то пострадаешь; вѣдай, безъ воли Божіей никто тебѣ вреда сдѣлать не можетъ, равно и отъ гнѣва его нигдѣ ничѣмъ укрыться не можемъ. Хотя рѣдкой, ктобы могъ за правое дѣло воз-

благодарить, и едва имѣлъ ли кто; однакожъ, не взирая на то, елико возможно, прилежи, чтобъ ни въ чемъ присягу свою не нарушить и честно сохранить, за что ты не токмо здѣсь, но и въ будущемъ отъ Бога милость получишь.

А при томъ еще хранися гордости, что у нѣкоторыхъ судей большихъ челобитчикамъ въ честь показывается, не токмо ему бѣднаго человѣка выслушать терпѣливо и дать ему доброй совѣтъ или наставленіе и помощь. Для чего у меня никогда, хотя бы на постелѣ лежалъ, двери не затворялись, чему ты самъ свидѣтелемъ былъ, и ни о комъ холопи не докладывали, но всякъ самъ себѣ докладчикъ былъ: и хотя многократно за бездѣлицами и въ неудобныя времена прихаживали, но я не оскорблялся, ибо часто то случалось, что многимъ въ краткости нужно было помощь подать и великой вредъ отвратить.

Весьма хранись предстателей и совѣтниковъ твоихъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, какъ то мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопи, блюдолизы, ввѣрившіеся пріятели по карточной игрѣ и псовой охотѣ и другими разными вымышленными способами, много судейскими душами торговали; и когда они, простяки бѣдные, нечаянно въ отвѣтъ или въ судъ впадали, то льстецы имъ же насмѣхались, и своимъ коварствомъ были собственные ихъ убійцы.

Наипачеже всего хранися секретарей и подъячихъ подчиненныхъ тебѣ, и никогда съ ними крайней дружбы не имѣй, ласкательствамъ ихъ и низкимъ поклонамъ не вѣрь; а особливо чрезъ нихъ ничего не дѣлай и ихъ ни о чемъ не проси, чтобъ на тебя узды не положили, и не ввергнули бъ въ напасть, что отъ нихъ судьямъ часто бываетъ. Ихъ совѣты хотя слушай, но не всегда оные тотчасъ исполняй, дабы тебѣ ихъ слова не были закономъ, и для того хотя иногда видишь, что онъ дѣльно говоритъ, оставь въ молчаніи и спроси другихъ постороннихъ, или тоже самое, токмо инымъ порядкомъ сдѣлай, или вели что пополнить да при-

стойное, дабы не думали того, что ты ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать и правду съ ложью распознать: изъ нихъ рѣдкой, ктобъ не возгордился; а ты оттого потеряешь надлежащее почтеніе и любовь отъ всѣхъ, а наконецъ и несчастіе претерпишь. Оставь секретарей поводильщиками такимъ судьямъ, кто дѣла разобрать по законамъ не можетъ. Соперниковъ къ миру склонять и посредствовать; если не склонятся, то не одного изъ людей искусныхъ въ знаніи законовъ въ совѣтъ призвать должно, токмо того храниться, чтобъ во оныхъ не былъ кто склоненъ къ которому судящемуся: и для того непотребно имена объявлять, если дѣло не всѣмъ извѣстное. Когдажъ тобою изъ подчиненныхъ примѣченъ будетъ добродѣтели наполненной, не алчной и справедливой человѣкъ, такихъ не токмо совѣты слушай, но и отмѣннымъ образомъ ихъ во обхожденіе свое принимай. Хотя сіе и рѣдко случается, однакожъ иногда быть можетъ.

Великая есть опасность въ дѣлахъ гражданскихъ, если товарищъ безсовѣстной, сребролюбивой и коварной, плутъ или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности навести; и для того тебѣ своихъ засѣдателей главныхъ или подчиненныхъ довольно надобно сначала искусить, и состояніе ихъ совѣсти познать, чтобъ ты впредь нелегко могъ обманутъ быть. Однакожъ съ главными во вражду явную вступать и на нихъ протестовать, или въ вышнемъ судѣ жаловаться, елико возможно, удерживаться; а подчиненныхъ сначала увѣщеваніями и разговоры прилежи отъ безпорядковъ удержать, словесно, на единѣ, или когда безстыденъ, при людяхъ и съ угрозою большаго наказанія отвращай; а жаловаться на подчиненныхъ и запальчиво поступать не очень прилично; лучше же отъ себя такихъ скорѣе отлучать.

VIII.

Придворная услуга должна быть въ порядкѣ; первое, для того что имя у насъ дворянинъ отъ придворности произошло, другое, что всѣ выбираются люди знатнѣйшіе и богатые для

того, чтобъ ихъ убранствами двору великолѣпіе придавать; третье, что они по близости къ лицу Императорскому болѣе другихъ милости и награжденія чинами и имѣніями получаютъ; они-же къ предстательству и оскорбленію или оклеветанію отдаленныхъ довольно способовъ имѣютъ; а за то поелику отъ любви, а больше за страхъ, почтеніе отъ всѣхъ имѣютъ. Но Петръ Великій, который великолѣпіе единственно дѣлами своими показывалъ, сей чинъ придворныхъ ни во что вмѣнялъ, и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ; у него оные весьма въ презрѣніи были; а лучше сказать, что никого не было; но для лица токмо камеръ-герской чинъ генералъ-адъютанты носили, а деньщики за пажей и камеръ-юнкеровъ служили. Нынѣ же оные рангами, жалованьемъ и другими преимуществы противъ европейскихъ государствъ пожалованы, что въ единой воли Монаршеской состоитъ, а намъ до того не касаться; то и взирая на ихъ строптивое житіе и обхожденіе, никогда бъ тебѣ онаго искать не совѣтовалъ: понеже тутъ лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть, едвали не все вмѣсто добродѣтели происходитъ; а нѣкоторые ушничествомъ ищутъ свое благополучіе пріобрѣсти, не смотря на то, что губятъ невинныхъ, сами вскорѣ судомъ Божескимъ погибнутъ. Но сіе не мни, чтобъ генерально и они сіи злодѣянія за добродѣтели почитали; но суть нѣкоторые того неистовства сущіе злодѣи. А если несильны, то и политикѣ придворной не прилѣпляются; однако отъ другихъ терпѣть посмѣяніе принуждены бываютъ. И для того, кромѣ повелѣнія Монаршескаго, никакъ сего чина не ищи и никакимъ тутъ благополучіемъ не льстися. Если же въ то призванъ будешь, прилежи о томъ, чтобъ представить себя Государю вѣрнымъ и присяжнымъ рабомъ, товарищамъ добрымъ, а страждущимъ и погибающимъ помощникомъ и заступникомъ. Если ты добра сдѣлать не можешь, то по малой мѣрѣ покажи привѣтливость и сожалѣніе объ нихъ, а не дѣлай себя подобно истуканному идолу. Знай, что гордымъ Богъ противится, сми-

реннымъ же даетъ свою благодать; смиривыйся вознесется, а возносяяся смирится. Никогда о себѣ не воображай, чтобъ ты правительству столь много надобенъ былъ, что безъ тебя обойтиться будетъ невозможно; равно и о другихъ того не думай: знай, что такихъ людей Богъ въ свѣтъ не создалъ. А хотя мы, по естественной слабости, всѣ горды, и ничѣмъ такъ довольны не бываемъ, какъ всякъ своимъ умомъ и о недостаткѣ онаго никогда просьбою не отягощаемъ, чужіе пороки ночью видимъ, а о своихъ и въ день слышать не хотимъ,—однакожъ, елико возможно, хотя отъ главныхъ убѣгать надлежитъ, яко то: первая есть степень глупости гордость и роскошь; не меньшежъ того презрѣнія достойна и скупость. Вѣдай, что какимъ бы ты чиномъ ни былъ, отъ получаемаго жалованья, хотя онаго и довольно на прожитокъ положено, едваль кто можетъ имѣть своею бережливостію, а лучше сказать скупостію, 100 душъ; если жъ и такъ, то покажешь себя презрительнымъ въ людяхъ благороднаго обхожденія, а о 1000 душахъ и думать нельзя.

Дворяне получаютъ свое богатство честно троякимъ только образомъ: 1) Монаршимъ награжденіемъ; 2) наслѣдствомъ; 3) супружествомъ; а 4) всякимъ Богу противнымъ злодѣяніемъ. Для того во всемъ тебѣ надлежитъ имѣть посредство. Помни то: мотъ и скупой одно наказаніе и несчастіе во всемъ терпятъ; оба жертвуютъ своею жизнію; одинъ отъ безмѣрной роскоши, а другой отъ чрезвычайной скупости, какимъ бы то образомъ ни было, только собрать имѣніе, нарушеніемъ ли присяги, съ обидою-ль ближняго, не разбираетъ; ставитъ во уваженіе себѣ одно только то: Богъ долготерпѣливъ и многомилостивъ; молится крѣпко: хранитъ посты, найметъ еще попа, таскается по церквамъ, раздаетъ ханжамъ и бродягамъ при людяхъ, чтобъ видѣли, полушками милостыню, а самъ старается тотъ убытокъ возвратить мѣшками; а о заслуженныхъ людяхъ, вдовахъ и сиротахъ, прямыхъ бѣдныхъ и неимущихъ пропитанія, и понятія не имѣетъ затѣмъ, что они не ходятъ въ раздранномъ рубищѣ и заплатахъ; всѣхъ

такихъ отъ злости бранитъ, ругаетъ и ворами называетъ, для чего они, бывъ при должностяхъ въ разныхъ государственныхъ службахъ, не могли себѣ присовокупить имѣнія, или украсть боялись.

Купечество всѣхъ больше имѣетъ способовъ къ нажитію богатства: однакожъ нашимъ безграмотнымъ торгашамъ капитала добрымъ порядкомъ присовокупить невозможно, по незнанію коммерціи и по неимѣнію общаго банка, и въ чужихъ Государствахъ своихъ конторъ; а съ отягощеніемъ и раззореніемъ своихъ ближнихъ, подъ видомъ коронной пользы, откупомъ и подрядомъ и тому подобными случаи, подѣлясь съ друзьями и помощниками своими, также и безбожными проценты ограбя другихъ займомъ денегъ, хуже воровъ и разбойниковъ своимъ банкрутствомъ умышленно многихъ раззоряютъ: словомъ сказать, всякой обманъ и коварство за разумъ и внутреннее удовольствіе себѣ почитаютъ, и тѣмъ отъ времени до времени у всѣхъ честныхъ людей кредитъ свой теряютъ такъ, что никто уже, кромѣ слабоумныхъ, вѣрить не можетъ. А за тѣ свои коварства плуты надлежащаго наказанія не имѣютъ, и оттого иногда честные купцы по поручительству въ безчестіе и раззореніе приходятъ; и такъ принуждены бываютъ, не видя страху, томужъ примѣру слѣдовать, и кражею временное и непрочное богатство наживаютъ, не помышляя ни мало о смерти.

Все сіе купеческое злодѣяніе легко искоренить можно, еслибъ только повелѣніе премудраго Монарха Петра Перваго исполнено было. Регламентомъ главному магистрату всемилостивѣйше повелѣлъ, маклерамъ дать инструкцію, которая для коммерціи купечеству и внутренняго порядка необходимо надобна; однакожъ и по нынѣ не токмо самымъ дѣйствомъ не окончена, но еще и никѣмъ не начата; да и впредь сомнительно, чтобъ сіе благое намѣреніе проклятые плуты для своихъ коварствъ допустить могли. А еслижъ сіе сдѣлано будетъ, тогда уже всѣ ихъ коварныя злодѣянія, яко то фальшивые векселя, обмѣны товаровъ, ложные торги, подря-

ды и тому подобные безпорядки и неустройства, тѣмъ благоразумнымъ учрежденіемъ пресѣчены будутъ.

Прошу тебя, не имѣй съ такими богомерзкими и жадными подлецами обхожденія, какого бы они чина и званія ни были; знай, что всякому честному человѣку въ поношеніе и во вредъ всегда бываютъ—поучаетъ насъ божественное Писаніе: благіе нравы тлятъ бесѣды злы; не ревнуй лукавнующимъ ниже завиди творящимъ беззаконіе, не вѣси кому соберетъ я.

Друзей старайся имѣть такихъ, которые любятъ вѣрность, правду и хранятъ присягу, хотябъ они и низкой породы были; справедливой человѣкъ самъ себѣ благороденъ: онъ тѣмъ подаетъ о себѣ надежду имѣть его другомъ, что всегда бываетъ одинаковъ въ своихъ предпріятіяхъ, въ богатствѣ и убожествѣ равнодушенъ; только такихъ Адамантовъ и Фениксовъ въ свѣтѣ весьма мало. Старайся искать ихъ дружбы; а когда надобность тебя доведетъ, въ необходимыхъ случаяхъ, требуй отъ нихъ добраго совѣту, что тебѣ весьма будетъ полезно, хотябъ ты и знатной господинъ былъ. Сихъ честныхъ людей называютъ плуты и ненавистники чудовищемъ въ свѣтѣ, понеже отъ нихъ кромѣ добраго порядка въ отечествѣ быть не можетъ; ихъ деньгами подкупить и обольстить ничѣмъ нельзя; они богатство презираютъ, о чинахъ поклоновъ не теряютъ, одну только рожденную свою честь, вѣрность правду и присягу хранятъ.

IX.

Когдажъ до 50 лѣтъ достигнешь своего вѣка, тогда надлежитъ тебѣ помышлять о увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ для того, что отъ сихъ лѣтъ крѣпость и сила тѣлесная начнетъ сохнуть и исчезать, умъ и память умалятся, и отъ времени до времени во управленіи своей должности неспособнымъ явиться можешь. Весьма остерегайся того, чтобъ тебя безъ прошенія отъ службы не отставили; сіе для честнаго и благороднаго человѣка великой стыдъ и поношеніе: одни только

скоты сего наказанія не ощущаютъ. И для того лучше отстать честно по своей волѣ, нежели съ пареканіемъ продолжать службу и оттого терпѣть стыдъ и поношеніе. Напротивъ же того, не меньше предосужденія достойны и тѣ, которые, притворя себя больными, за деньги чрезъ докторовъ, безо всякой причины, не выслужа 30 лѣтъ, ищутъ отъ службы увольненія; весьма сіе непохвально, а паче тѣмъ нарушаютъ свою присягу.

По увольненіи же отъ службы, надлежитъ осмотрѣть свои деревни, въ какихъ оныя положеніяхъ, чужое возвращать, свое требовать дружелюбно, и елико возможно, отъ подачи алчныхъ прошеній убѣгать; оставь сіе проклятымъ жаднымъ ябедникамъ и душевредцамъ, плутамъ и ворамъ.

О церквахъ, гдѣ твои села и деревни есть, всеусердное попеченіе имѣть надлежитъ и всѣмъ потребнымъ снабдить, а особливо книгами, и стараться, съ дозволенія Архипастырей, ветхія иконы и старыя порядочнымъ письмомъ исправить безъ окладовъ серебряныхъ: ибо сіе украшеніе ворамъ соблазнъ. Старайся имѣть попа ученаго, которой бы своимъ еженедѣльнымъ поученіемъ и предикою, къ совершенной добродѣтели крестьянъ твоихъ довести могъ, а особливо, гдѣ ты жить будешь; имѣй съ нимъ частое свиданіе; награди его безбѣднымъ пропитаніемъ деньгами, а не пашнею, для того чтобъ отъ него навозомъ не пахло; голодной, хотябъ и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ; за деньги онъ лучше будетъ прилежать къ церкви, нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ неприлично, и чрезъ то надлежащее почтеніе теряютъ. А крестьяне, живучи въ распутной жизни, не имѣя добраго пастыря, въ непослушаніе приходятъ, а потомъ господъ своихъ возненавидятъ, подведя воровъ и разбойниковъ, смертельно мучатъ и тиранятъ, а иныхъ и до смерти убиваютъ. Когда жъ гдѣ есть ученой попъ и добраго поведенія человѣкъ, къ томужъ не имѣющій крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ крестьянъ въ благоденственное и мирное житіе, и злодѣяній такихъ въ тѣхъ мѣстахъ мало бываетъ.

Исповѣдываніе грѣховъ и Причащеніе Святыхъ Божественныхъ Таинъ весьма нужно: и для того тебѣ попу своего села необходимо совѣтъ подать должно, чтобъ онъ на исповѣди крестьянамъ внятно Законъ толковалъ; а притомъ и то еще напомнить ему можно, что по обычаю, не знаю для чего, въ одинъ великой постъ всѣ вдругъ начинаютъ имѣть душевное свое приуготовленіе такъ, что отъ множества народу ему не токмо порядочное наставленіе подать, но и безъ исповѣди многіе бываютъ, а затѣмъ еще на годъ свое покаяніе откладываютъ, и всегда отъ времени до времени продолжаютъ далѣе; а наконецъ и во всю свою жизнь того исполненія не имѣютъ. А когдабъ на разные посты большее число людей раздѣлены были, то конечно-бъ сіе удобнѣе было потому, что имѣя довольное время, порядочно и внятно можно будетъ Закону Божію научить и прямую Вѣру Христову открыть; а невѣжды, лѣнивые и неученые попы, получая отъ крестьянъ алтыны, мирволятъ и совсѣмъ на нихъ того не взыскиваютъ; къ томужъ почасту обращаясь съ крестьянами братствомъ, одни только имъ разсказываютъ и вымышляютъ праздники, велятъ варить безпрестанно пива, сидѣть вино, ѣдятъ и пьютъ безобразно, а о порядочной и прямой Христіанской должности никакого и помышленія не имѣютъ. А потомъ пьяные, поссорясь, стараются крестьянъ научить отнять у сосѣда землю, зная, что съ земли платежа въ казну никакаго нѣтъ, владѣть будетъ безъ убытка, и вѣдая, что челобитьемъ искать на обидчикѣ и вѣку человѣческаго не достанетъ; а хотя по суду и изобличенъ будетъ, однакожъ останется своимъ пронырствомъ безъ надлежащаго наказанія.

X.

По волѣ Монаршей, если требовано будетъ отъ Россійскихъ дворянъ, желаютъ ли они производить винную продажу повольно? на то не токмо соглашайся и прочимъ ясно доказывай, хотябъ съ заплатою, почему съ души сверхъ

подушныхъ денегъ, или съ земли, положено будетъ, кажется весьма полезно: ибо сія прямая есть должность дворянская и общенародная въ томъ польза разведеніемъ скота, а отъ бо̀льшаго навоза урожаемъ хлѣба. Цѣловальники-жъ, чумаки, поднощики, смотрители, повѣренные, кабацкіе головы и самые главные откупщики, которыхъ числомъ всѣхъ въ государствѣ болѣе 50000 человѣкъ праздно живущихъ хлѣбоядовъ и ежегодной саранчи, всѣ тѣ тунеядцы войдутъ къ своимъ мѣстамъ; а многіе изъ нихъ прямо не знаютъ, чьи они прежде были. Беззаконно прижитые и бѣглые разныхъ родовъ люди опредѣлятся къ прямымъ должностямъ; напротивъ же того, въ городахъ бѣдные жители, вдовы, солдатскія жены и дочери отъ вольной продажи будутъ получать свое безгрѣшное пропитаніе такъ, какъ и во всѣхъ Европейскихъ государствахъ весьма за полезное вездѣ сіе почитается. Многіе о семъ инако разсуждаютъ; овы отъ незнанія, а другіе по любви къ откупщикамъ сему полезнымъ быти не чаютъ.

И то еще хочу тебѣ сказать, гдѣ вино въ вольной продажѣ есть, тамъ всегда меньше пьяницъ, бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ для того, что жителю въ домѣ прикрыть какія либо злодѣянія и уберечься отъ сосѣдей весьма трудно; а кабакъ ни что иное, какъ токмо общее всѣмъ подлымъ людямъ прибѣжище и пристойное знакомство: тамъ одинъ другого всякъ по своему желанію всегда найдетъ; краденое раздѣлить и продать, а достальное пропить или въ карты и въ кости проиграть—всему удобной случай; бѣглымъ, ворамъ и разбойникамъ прямая ихъ всякому злодѣянію школа, лучшее пристанище, убѣжище и покровительство. Тожъ походячіе и площадные торги, мелкіе въ разныхъ мѣстахъ приторжки, къ томужъ помощію способствуютъ, и оттого въ распутную жизнь, въ неустройство и въ непотребство подлыхъ людей съ самыхъ младыхъ лѣтъ приводятъ; и весьма много добрыхъ нравовъ человѣческихъ, подлостію и буянствомъ напитаясь, вовсе испортятся такъ, что наконецъ ни къ какому дѣлу, кромѣ зла, способными не бываютъ, что

мнѣ о томъ многократно изъ допросовъ самихъ злодѣевъ и убійцевъ видѣть и съ сожалѣніемъ читать случалось. Съ того времени, какъ кабаки построены, чувствительно и едваль не всякому больше тѣмъ вреда открылось.

Шведское королевство за всѣмъ тѣмъ еще въ примѣръ къ доказательству можно поставить: сколь оное въ пропитаніи своемъ ни нужно, однакожъ винная продажа всегда бываетъ вольная; развѣ уже когда правительство предувидитъ великой недородъ хлѣба, то на нѣсколько времени винную сидку всѣмъ безъ изъятія запрещаютъ, а потомъ паки въ прежнемъ положеніи пребываютъ, и въ томъ свою и общенародную пользу находятъ.

Но премудрый Монархъ Петръ Первый какъ все сіе, такъ и о продажѣ дворцовыхъ и монастырскихъ деревень, видя безбожное и великое раззореніе крестьянъ отъ управителей, несносныя взятки и грабежи, и желая ихъ отъ того избавить, разсуждая о томъ довольно, въ 724-мъ году дворянамъ съ заплатою въ 10 лѣтъ денегъ съ добрыми порукамы, милосердуя отечески, намѣренъ былъ повелѣть всѣ оныя съ аукціону продать; и для того щедро за службы изволилъ награждать деревнями, нежели чинами и деньгами; но кончина вѣку Его Величества оное намѣреніе пресѣкла. Все сіе даю тебѣ только для памяти знать: ибо разсматривать пользы или безполезности онаго предоставляется вышнему Правительству, пекущемуся о благѣ цѣлаго народа.

XI.

Старайся въ деревняхъ своихъ всякое строеніе произвести каменное, для сохраненія лѣсовъ и отъ пожарнаго случая; при томъ все сіе будетъ тебѣ служить препровожденіемъ времени; разведеніе скота и разныхъ родовъ птицъ, доброе хлѣбопашество, сады, пруды, конскіе заводы и тому подобныя и полезныя увеселенія. Псовую-жъ охоту дворянину благородному почитаю не за полезное; потеряніе здоровья,

руки, ноги, время и имѣнія, а иногда и самой жизни отъ того слѣдуетъ. Когдабъ положено было за каждую собаку платить хотя по 1 рублю на годъ, весьма-бъ было полезно: многіе безпутные охотники, оставя свои домы и хозяйство прямое, лѣтомъ весьма много хлѣба и скота губятъ, ссоръ и дракъ производятъ, а иногда и смертное убійство. Сего тебѣ удовольствія имѣть не желаю.

Въ деревнѣ, гдѣ ты жить будешь, необходимо при себѣ имѣть должно лѣкаря искуснаго, дабы какъ для самого тебя, такъ и для крестьянинъ своихъ и постороннихъ, въ случаѣ болѣзни, могъ скорѣе помочь подать, что весьма сожалѣтельно: по неимѣнію такихъ искусныхъ людей, отъ деревенскихъ проклятыхъ обманщиковъ, ворожей, шептуновъ и колдуновъ, отъ ихъ безумныхъ и вымышленныхъ лѣкарствъ, весьма много напрасно народу гибнетъ, отчего и въ неизлѣчимую болѣзнь приходятъ, а иные и вовсе умираютъ. И для того необходимо надлежитъ имѣть въ пристойномъ мѣстѣ для больныхъ особые покои, равно и для старыхъ и увѣчныхъ, которые-бъ зависили отъ собственнаго призрѣнія помѣщика.

Впрочемъ, старайся, чтобъ ты никогда никому и ничѣмъ не былъ долженъ.

XII.

Наконецъ, какъ я тебѣ уже ничего болѣе завѣщать не имѣю, но токмо для тебя о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумѣнію слѣдующимъ разговоромъ награждаю, которой прошлаго 733 года, будучи здѣсь, по случаю разговора съ князь Сергіемъ Долгоруковымъ, началъ; чрезъ разговоры-жъ съ архіепископомъ новогородскимъ Феофаномъ Прокоповичемъ и князь Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, якоже съ нѣкоторыми профессоры академіи разсуждая, продолжалъ и тебѣ тѣмъ пользу приобрѣсти. Но притомъ, хотя сіе, по крайнему моему разумѣнію, для пользы твоей только истинное писалъ и ясно толковалъ, однакожъ все оное вѣрить и за

истину и къ непоколебимому разсужденію принять и содержать не принуждаю для того, что о семъ со мною разсуждающіе хотя были люди умные, и какъ мнѣ благодѣтели и друзья, конечно, умышленно худо-бы не похвалили-бъ и неправедное за правое не приняли-бъ; но какъ всѣ человѣки, по словамъ Давида и Апостольскимъ, яже и погрѣшности подвержены, и для того весьма бъ я радъ былъ, еслибы ты что неправое во ономъ исправилъ, а сомнительное, елико для своей, толико и для ближняго пользы, изъявилъ, что оставляю на твое разсужденіе. И хотя сіе единственно для тебя только, а не для другихъ писано; по можетъ по случаю кто либо увидѣть и можетъ похвалить; однакожъ, и то мнѣ не безъизвѣстно, что сыщутся и тѣ, которые сіе мое данное тебѣ наставленіе и разсужденіе будутъ бранить, и выбирая слова, противу моего мнѣнія толковать; да мнѣ оное недивно для того, что вижу довольно, что не токмо весьма преславныхъ мужей философіи, математики, юриспруденціи и другихъ высокихъ наукъ цвѣтущихъ, но и самыя науки дерзнули осуждать. Но что о сихъ говорить? Не видимъ ли, еже въ разныхъ исповѣданіяхъ люди самыя Христовы и Апостольскія слова, всякъ на свое разумѣніе влекучи, толкуютъ, какъ имъ хочется, а о моихъ словахъ уже не диковина: но еще какъ попадется сіе папистамъ и лицемѣрнымъ ханжамъ на толкованіе, то сего то послушать, хотя иногда сами не въ состояніи лучшимъ учителемъ и толкователемъ явиться. Токмо пускай паукъ пущаетъ свой ядъ; а ты, яко пчела, съ того жъ самаго цвѣта бери себѣ медъ въ сладость душевную и тѣлесную, чего тебѣ и всѣмъ доброхотнымъ желаю. Остаюсь съ любовію родительскою—

Василей Татищевъ.

II.

Увѣщаніе умирающаго отца къ сыну.

(По списку, изданному А. А. Дмитріевымъ).

Примѣчаніе. Въ Соликамскѣ, пермской губ., А. А. Дмитріевымъ найденъ былъ новый списокъ Духовной, отличающійся тѣмъ, что въ немъ впервые встрѣчается „Увѣщаніе", о которомъ біографы Татищева упоминали, но текстъ котораго, до сихъ поръ, оставался неизвѣстнымъ и впервые напечатанъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1886 г. № 4. Неизвѣстный очевидецъ смерти В. Н. Татищева предпосылаетъ „Увѣщанію" письмо и, въ заключеніе, говоритъ нѣсколько словъ о послѣднихъ минутахъ его жизни.

Извѣстно, что кончина В. Н. Татищева, послѣдовавшая 15-го іюля 1750 года, была весьма замѣчательна. Предчувствіе смерти сказалось во всѣхъ его поступкахъ за послѣдніе два дня жизни. По словамъ Благово, Татищевъ жилъ тогда въ своемъ подмосковномъ сельцѣ Болдинѣ. Наканунѣ смерти, онъ отправился верхомъ за три версты въ приходскую церковь, взявъ съ собою внука Ростислава Евграфовича, и приказавъ туда же итти мастеровымъ съ лопатами, чтобы рыть могилу. Отслушавъ обѣдню, Василій Никитичъ вмѣстѣ съ священникомъ идетъ на погостъ, показываетъ ему могилы своихъ предковъ и родителей и, избравъ порожнее возлѣ нихъ мѣсто, приказываетъ рабочимъ рыть могилу. Потомъ, попросивъ священника на другой день прійти къ нему, чтобы пріобщить умирающаго, онъ уже въ одноколкѣ отправляется домой, гдѣ застаетъ курьера, привезшаго указъ съ оправданіемъ его отъ прежнихъ обвиненій и орденъ Александра

*

Невскаго. Василій Никитичъ написалъ благодарственное письмо къ Государынѣ, возвратилъ орденъ за близостью смерти и отправилъ обратно курьера. Вечеромъ явился къ нему поваръ-французъ, чтобы спросить, что завтра готовить. Татищевъ сказалъ, что болѣе онъ не хозяинъ, но гость, и указывая на свою невѣстку, жену сына, прибавилъ: „Она тебѣ прикажетъ, что надобно; теленокъ начатъ, и есть, изъ чего готовить". На другой день, въ назначенный часъ явился священникъ со всѣмъ причтомъ, исповѣдалъ и пріобщилъ умирающаго. Затѣмъ, послѣдній приказалъ призвать сына, Евграфа Васильевича, съ женой и съ сыномъ ихъ Ростиславомъ, простился съ ними, сдѣлалъ имъ нѣкоторыя наставленія, простился со всѣми бывшими въ его домѣ, приказалъ послѣ того особоровать его и при чтеніи седьмого Евангелія скончался. Когда хотѣли снять съ трупа мѣрку для дѣланія гроба, то столяръ объявилъ, что гробъ, по желанію покойнаго, уже давно сдѣланъ, причемъ ножки у гроба точилъ самъ умершій.

Вотъ письмо неизвѣстнаго очевидца смерти Татищева, которое предпослано „Увѣщанію":

Государь мой!

Недавно имѣлъ я честь къ вамъ писать о добродѣтеляхъ покойнаго господина нашего, о добропорядочномъ его житіи и великодушной и безбоязненной его смерти; напослѣдокъ-же упомянулъ, что онъ, будучи при самыхъ уже вратахъ смерти, сыну своему весьма нравоучительное наставленіе преподалъ. Нынѣ вижу изъ вашего письма, что вы любопытно желаете отъ меня знать, какія то подлинно были наставленія и завѣщанія. Я бы и въ то время сообщилъ вамъ содержаніе оныхъ, но призналъ себя не въ состояніи все говоренное имъ изобразить такъ точно, какъ оное въ самомъ дѣлѣ происходило; однако для удовольствія вашего потщуся сію положенную отъ васъ на меня должность по возможности испол-

нить, въ твердомъ надѣяніи, что вы по вашей ко мнѣ благосклонности мои ошибки, кои должно причесть мнѣ въ вину, великодушно простите; кромѣ того, можете твердо быть увѣрены, что я все то, что онъ ни говорилъ, обстоятельно упомянуть всячески постараюсь. Завѣщаніе сіе, по призваніи имъ своего сына, было слѣдующаго содержанія:

Увѣщаніе умирающаго отца къ сыну.

Любезный сынъ!

„Часъ тотъ приближается, въ которой должно мнѣ заплатить натурѣ дань, на всѣхъ смертныхъ отъ нея положенную. Богъ призываетъ меня къ Себѣ, и я, изнемогши отъ многаго суетства міра сего, съ простертыми руками иду къ сладкому покою вѣчнаго Его царствія. Но прежде, нежели замкну вѣчнымъ сномъ глаза, хочу тебѣ въ послѣдній разъ дать отеческія свои наставленія. Надѣюсь, что ты исполнишь ихъ въ самой точности, ибо я не желалъ никакого иждивенія и, все малое продавши имѣніе свое, употреблялъ оное къ наукамъ твоимъ и воспитанію. Не [1]) негодуй на меня, любезный сынъ, что я не оставилъ тебѣ ни денегъ, ни деревень, по обычаю протчихъ родителей. Слава Богу, что не столь слѣпа была любовь моя къ тебѣ, чтобъ повергла молодость твою въ пучину несчастія! О, коль много оставшихся дѣтей отъ богатства пришло въ мотовство и въ посрамленіе, вмѣсто онаго злого коренія, отъ котораго произрастаютъ злыя зелія! Праздность — начало всему злу, а богатство — причина праздности. Оставляю я тебѣ сокровище драгоцѣнное и неоцѣненное, то-есть въ началѣ милосердіе Божіе, потомъ грѣшное мое благословеніе. Полезны будутъ науки тебѣ и твоему отечеству, а доброе воспитаніе, источникъ благополучія, изліетъ на тебя небесную благодать, пропитаетъ тебя и сдѣлаетъ тебѣ по заслугамъ воздаяніе и сохранитъ тебя отъ всякаго неистовства и безпорядочнаго по-

[1]) Въ рукописи ошибочно *но*.

веденія. Куда ты ни пойдешь, повсюду и понесешь сокроще сіе съ собою безъ тягости; ни тать, ни мошенникъ не можетъ у тебя похитить онаго, ниже душевредникъ отнять ябедою своею.

Всякъ, стяжавый себѣ хлѣбъ собственными своими трудами, потомъ употребляетъ оной осторожнѣе и умѣреннѣе. Итакъ, когда ты трудами своими и достоинствомъ пріобрящешь себѣ имѣніе, то не надѣюсь, чтобъ оно расточено было. Если благословитъ тебя Богъ домомъ, то поступай добропорядочно, будь хорошій домостроитель, такоже наблюди, чтобъ не было тутъ скупости, и не имѣя излишней бережливости во всякой бездѣлицѣ, не держи при себѣ безбожныхъ и развращенныхъ служителей, какія бъ они, впрочемъ, ни имѣли достоинства. Повѣрь долговременному моему искусству, что не имѣющій въ себѣ страха Божія и не призывающій на помощь своего Создателя тебѣ вѣрно служить никогда не станетъ. Содержи людей своихъ въ строгости, но будь такожде къ нимъ привѣтливъ и милостивъ; помышляй, что между тобою и слугою по человѣчеству никакой разности [нѣтъ]; покажи себя имъ хорошимъ примѣромъ и знай, что господинъ безчестнѣе своего служителя, ежели тотъ бываетъ порокамъ его свидѣтель.

Старайся заслужить себѣ честь своимъ достоинствомъ; не купи никогда себѣ чина подарками и не употребляй для сего пронырствъ, ниже подлости. Есть много въ свѣтѣ такихъ, кои чрезъ средство сіе надъ другими властвуютъ, но въ самой пышности своей отъ разумныхъ подлѣйшими почитаются. Остерегайся возвысить себя на степень знатнаго достоинства. Хотя бъ тебѣ счастіе подавало къ себѣ способы, держись лучше во всемъ средняго состоянія, которое отъ многихъ за наиспокойнѣйшее почитается; ибо великое и очень нужное дѣлаетъ человѣку равномѣрно много прискорбности и безпокойства, среднее же по большей части сопряжено бываетъ всяко съ удовольствіемъ.

Когда ты будешь при какой-нибудь должности, отправ-

ляй оную добропорядочно, разсудливо и [съ] прилежаніемъ; не буди ни своенравенъ, ни упорливъ, какъ иные дѣлаютъ; принимай другихъ въ совѣтъ и не вѣрь ничьему наговору, не извѣдавъ самъ правды. Подлинно сей ошибкѣ многіе изъ главноначальствующихъ бываютъ подвержены, и они дадутъ Богу отвѣтъ.... что гнати подвластныхъ имъ безъ разсужденія, повѣря токмо наушникамъ своимъ, легкомысленно, и слушать клеветы изъ одной ихъ счетной зависти, для поврежденія чести ближняго клонящейся, весьма грѣшно. Наблюдай присягу свою и не поставляй ея шуткою. Удержи руки свои отъ мздоиманія и лакомства; избавь себя отъ угрызенія совѣсти, чему страсти бываютъ причиною. Защищай безвиннаго отъ неправды. Дѣлай достойному по заслугамъ всякое воздаяніе. Не мсти никому за собственную свою обиду и суди всякое дѣло безъ сердца и гнѣва праведно. Ходи всегда по правому пути, и такъ не будешь никогда одержимъ страстію. Не взирай на лица знаменитыя; хотя люди не воздадутъ за сіе тебѣ никакой справедливости, однако будетъ оное угодно и пріятно Господу Богу. Почитай начальниковъ своихъ и исполняй приказы ихъ съ поспѣшностію и старайся ихъ милость заслужить честною услугою, а не подлостію; не будь пышенъ въ счастіи, ниже унылъ и низокъ въ несчастіи: одно и другое достойно уничиженія; будь остороженъ въ благополучіи и великодушенъ въ напастяхъ и гоненіяхъ. Похвально и славно есть, когда кто, не будучи еще въ бѣдѣ, бѣды опасается; а если уже постигнетъ его оная, тогда оказываетъ онъ въ ней свое мужество: тутъ-то истинные и великіе герои познаваются. Словомъ, будь тверже и терпѣливѣе всякаго несчастія, каково бъ оно велико ни было.

Отъ многихъ людей, особливо отъ философовъ, для избѣжанія свѣтской суеты, почитается состояніе холостаго за жизнь спокойнѣйшую; блаженнымъ именуютъ они того, которой, не будучи женатъ, не носитъ на плечахъ своихъ тяжкаго сего бремени. Согласуюсь и я съ ихъ мнѣніемъ изъ долговременнаго моего искусства; могу доказать, сколь много

женитьба препятствуетъ въ наслажденіи человѣку, душевномъ спокойствіи; во истину состояніе холостаго брачному предпочесть должно, но только надобно содержать себя въ чистотѣ и имѣть предъ Богомъ совѣсть непорочную и сердце чистое; если не такъ, то льзя ли прожить безъ мятежа и можно ли спокойно взирать на приближеніе смерти; не имѣть тогда ни страха, ни ужасу—невозможное дѣло. Вотъ, любезный сынъ, мое тебѣ предложеніе: ежели умретъ жена, любую бери сторону, либо для спокойствія душевнаго побѣди свою природную страсть, либо для удовлетворенія оныя безъ грѣха женись и сноси за то женскія докуки и слабости съ терпѣніемъ. Для удачи же женитьбы твоей смотри паче на добродѣтель и хорошее воспитаніе, нежели на богатство, яко степень преходную, и на красоту, по подобію цвѣта увядающую. Ежели богатую возьмешь, то будутъ тебѣ укоризны ежедневныя, а у красавицы и знатной можетъ то быть въ пренебреженіи. Сходство рода, нрава и имѣнія совокупляетъ наисчастливѣйшую женитьбу: такимъ совѣтую тебѣ жениться, и тутъ ожидай себѣ благодати Божіей. Дастъ Богъ тебѣ дѣтей, то знай, что ты долженъ представить ихъ Богу и государю и обществу. Тутъ-то не слушай и не давай воли въ воспитаніи ихъ женѣ своей, а ихъ матери, чтобъ не погубила она слѣпою любовію своею и нѣгою. Старайся научить ихъ въ началѣ страху Божію, потомъ надлежащимъ наукамъ и сдѣлай ихъ чрезъ то полезными своему отечеству; не щадя иждивенія своего, старайся всѣми мѣрами сыскать имъ добраго надзирателя, который бы разумнымъ своимъ знаменіемъ истребилъ изъ нихъ все предразсудіе и суевѣрія, научилъ бы различать худое отъ добраго, подлинное отъ ложнаго и временное отъ вѣчнаго. Особливо не говори при дѣтяхъ своихъ никакихъ неистовыхъ словъ и не хвались тѣмъ, что̀ дѣлалъ въ младости, какъ то иные старики обыкли, но веди себя предъ ними примѣромъ добродѣтели и будь имъ видимымъ зерцаломъ: словомъ, поступай съ ними такъ, какъ поступалъ я съ тобою, — то и ты получишь

такое же почтеніе, какое оказывалъ ты мнѣ во время моей старости.

Паче всего, любезный мой сынъ, бойся Бога и люби Его, а государю своему вѣрно служи и имѣй къ нему усердіе и почтеніе. Господа своего прославляй за чрезмѣрное человѣколюбіе, несказанное милосердіе и за чудное правосудіе Его; государя же почитай, яко помазанную главу по Божію повелѣнію, и служи ему усердно и безъ роптанія, хотя бы были заслуги твои награждены или бы не были. Много, въ свѣтѣ живучи, сыщешь ты такихъ испорченныхъ людей, кои опроверженіемъ и непризнаніемъ закона Божія умняе другихъ быть и предпочесть тѣмъ себя думаютъ; таковыхъ бѣгай обхожденія, дабы не заразился ихъ же ядомъ. О, коль плачевно бѣдственное ихъ состояніе! По истинѣ достойны они всякаго сожалѣнія! Такъ-то самолюбіе дѣйствуетъ въ человѣкѣ, который только для удовольствія онаго не щадитъ и Создателя своего, хотя самъ внутренно признаваетъ вину свою и повсяминутно ждетъ себѣ погибели. Не стыдись для сего, любезный сынъ, хоть будутъ они тобою ругаться и мѣшать быть добрымъ христіаниномъ. Не зачинай, вставши, ничего, пока не помолишься Богу съ благоговѣніемъ, ниже просто ложись безъ призванія святаго Его имени; въ воскресные и праздничные дни ходи въ церковь Божію для принесенія Господу своему за оказанныя милосердія благодаренія и для испрошенія впредь святой Его помощи. Читай Библію и Новый Завѣтъ съ примѣчаніемъ, вразумительно. Изъ Библіи научишься ты истинной премудрости; въ Новомъ же Завѣтѣ не сыщешь ничего, чтобъ давало самолюбію и страстямъ нашимъ хоть малое поползновеніе: нѣтъ тутъ лести никакой, но вездѣ сіяетъ истина; и если покорится здравому разсужденію, то каждой легко можетъ признать справедливость сію безъ противословія; единое тутъ только затрудненіе, чтобы себя побѣдить, сластолюбивыя желанія укротить, искоренить совсѣмъ самолюбіе сіе и страсти свои, прилшенныя (sic!) свѣтскою жизнью. Но сіе непонят-

ное дѣло уму и противъ человѣчества, по мнѣнію ихъ, кажется; и вотъ причина тому, что для опроверженія Христовыхъ заповѣдей изыскиваютъ они всякіе мѣры и способы. Поступки таковыхъ людей достойны всякой хулы и уничтоженія. Но во сто кратъ постылымъ и мерзкимъ кажется лицемѣръ, старающійся ложною набожностію своею другихъ привесть въ хорошее о себѣ мнѣніе. Не подражай и ты, любезный сынъ, симъ коварнымъ льстецамъ и ихъ поведеніямъ, которымъ самъ Богъ гнушается! Не изъявляй въ наружности того, чего не имѣешь въ сердцѣ. Подлинно непріятна молитва безъ добрыхъ дѣлъ Господу, а въ твореніи добрыхъ дѣлъ всякой Богу да молится. Доброе же дѣло состоитъ въ любленіи ближняго; для любленія ближняго всѣ злыя дѣла и пороки истребляются, то-есть любящій ближняго не имѣетъ злости къ нему, ни зависти, не гордится надъ нимъ, ниже ругается, не клевещетъ на него и не помрачаетъ славы его ложнымъ вымысломъ и порицаніемъ; не мститъ обидящему и не ищетъ ему погибели, но еще прощаетъ его съ охотою; надъ больнымъ, сирымъ имѣетъ онъ сожалѣніе, утѣсненнымъ и изгнаннымъ подаетъ руку помощи, покрываетъ нищаго щедротою своею, слѣдственно — живетъ спокойно и не терпитъ угрызенія совѣсти. Не можно будетъ исполнить тебѣ сихъ добродѣтелей, если не ограничишь ненасытнаго желанія своего, которое по человѣческому воображенію много вещей требуетъ; надобно для сего обуздать страсти свои, отстать отъ роскошей и подражанія тѣмъ, кои великолѣпіемъ гордятся. Пускай они сами украшаются и за то отъ протчихъ во время пышности своей прославляются. Ты же лучше украшай себя добродѣтелію!

Всякъ человѣкъ не безъ грѣха, которому особливо подвержена колеблющаяся младость; ты же находишься въ младости и, слѣдовательно, скоряе можешь придти въ прегрѣшеніе. Такимъ образомъ если впадешь въ какое преступленіе, то покажи тогда свое великодушіе, примирись скоро съ Господомъ и исповѣдай грѣхъ свой съ искреннимъ раская-

ніемъ и покаяніемъ. И дабы уйти отъ грѣха, то имѣй завсегда смерть въ своей памяти; когда будетъ она безпрестапно обращаться въ умѣ твоемъ, то не станешь прилѣпляться къ свѣтскому, но будешь вся мірская презирать, а стараться только о вѣчности.

Вотъ все то, любезный мой сынъ, что̀ хотѣлъ я тебѣ въ послѣдній разъ сказать, по моей должности. Нынѣ умираю я со удовольствіемъ, что совершилось мое желаніе. Прошу тебя, яко другъ, а приказываю, какъ отецъ, чтобъ сіе исполнить точно".

Тогда далъ онъ знакъ, чтобъ сынъ къ нему подошелъ, и положа руку свою на него, благословлялъ его тако: „Милость Божія и мое грѣшное благословеніе, сынъ мой, вѣчно буди надъ тобою!" Потомъ милостиво говорилъ сими словами: „Благій Творче и человѣколюбивый Господи, Боже мой, неисчерпаемый источникъ благости и милосердія, превосходящаго всякое беззаконіе, услыши грѣшную молитву мою и сохрани..... воздаяніе Твое, во время его житія, во святыхъ заповѣдяхъ Твоихъ, ниспосли на него Духа Святаго Твоего и соблюди его въ непоколебимой вѣрѣ Единороднаго Сына Твоего Господа Іисуса Христа! Да будетъ ограда и щитъ ему противо видимыхъ и невидимыхъ враговъ вольное страданіе..... и Животворящій Крестъ; сопричастникомъ вѣчнаго царствія Твоего [быть] подаждь мнѣ, Господи, въ вѣчномъ жилищѣ Твоемъ вкупѣ съ нимъ!" Тутъ остановилась у него кровь, и не стало болѣе голосу, исчезли всѣ силы его и усыпились сномъ вѣчности. Онъ опустился на одръ свой и, спустя нѣсколько минутъ, сомкнулъ глаза свои безъ роптанія и угрызенія совѣсти. Безсмертная душа его вышла изъ темницы тѣла его безъ поврежденія, и еще на блѣдномъ лицѣ его сіяла несумнѣнная надежда, съ которою онъ предался въ руки своего Создателя.

III.

Изъ Предувѣдомленія къ Исторіи Россійской.

(Отрывокъ).

Польза исторіи.

О пользѣ исторіи не потребно бы толковать, которую всякъ видѣть и ощущать можетъ; однакожъ какъ нѣкоторые не обыкли о вещахъ внятно и подробно разсматривать и разсуждать, много кратъ отъ поврежденія ихъ смысла полезное вреднымъ, а вредное полезнымъ поставляютъ, слѣдственно въ поступкахъ и дѣлахъ погрѣшаютъ, какъ то мнѣ такихъ о безполезности исторіи не безъ прискорбности разсужденія слышать случалось: и для того я заполезно разсудилъ о томъ кратко изъяснить.

Въ началѣ разсудя то, что исторія не иное есть, какъ воспоминовеніе бывшихъ дѣяній и приключеній добрыхъ и злыхъ, потому все то, что мы предъ давнимъ или недавнимъ временемъ чрезъ слышаніе, видѣніе или ощущеніе искусились и вспоминаемъ, есть сущая исторія, которая насъ ово отъ своихъ собственныхъ, ово отъ другихъ людей дѣлъ учитъ о добрѣ прилежать и зла остерегаться. Напримѣръ, какъ я вспомню, что я вчера видѣлъ рыбака, рыбу ловяща и не малую себѣ тѣмъ пользу пріобрѣтша, то я конечно имѣю въ мысли нѣкоторое понужденіе равномѣрно о такомъ же пріобрѣтеніи прилежать; или какъ я видѣлъ вчера татя или другого злодѣя, осужденнаго тяжкому наказанію или смерти, то меня конечно страхъ отъ такого дѣла, подверженнаго погибели, удерживать будетъ. Равномѣрно всѣ читаемыя нами

исторіи такъ: дѣла древнія иногда такъ чувствительно намъ воображаются, какъ бы мы собственно то видѣли и ощущали.

Посему можно кратко сказать, что никаковъ человѣкъ, ни единъ станъ [1]; промыслъ, наука, ниже кое либо правительство, меньше [2]) человѣкъ единственный безъ знанія оной совершенъ, мудръ и полезенъ быть не можетъ. Напримѣръ, о наукахъ взявъ, первая и вящшая есть богословіе, т. е. знаніе о Богѣ, его премудрости, всемощности, еже единственно къ будущему блаженству насъ ведетъ, и проч., но не можетъ никакой богословъ мудрымъ назваться, ежели онъ не знаетъ древнихъ дѣлъ божескихъ, объявленныхъ намъ въ Письмѣ Святомъ, якоже когда, съ кѣмъ, о чемъ въ догматахъ или исповѣданіи преніе было, чимъ что утверждено или опровергнуто, для чего древней церкви нѣкоторые уставы или порядки примѣнены, отставлены и новые введены; слѣдственно имъ исторія божественная и церковная, а къ томужъ и гражданская, необходимо нужны, о чемъ Гуецій [3]), славный французскій богословъ, достаточно показалъ.

Вторая наука—юриспруденція, которая учитъ благонравію и должности каждаго къ Богу, къ себѣ самому и другимъ, слѣдственно къ пріобрѣтенію спокойности души и тѣла; то не можетъ никакой юристъ мудрымъ названъ быть, если не знаетъ прежнихъ толкованій и преній о законахъ естественныхъ и гражданскихъ. И какъ можетъ судья право дѣла судить, если древнихъ и новыхъ законовъ и причинъ премѣненіямъ неизвѣстенъ? для того ему нужно исторію о законахъ знать.

Третія—медицина, или врачевство, которая наука въ томъ состоитъ, чтобъ здравіе человѣка сохранить, а утраченное возвратить, или по малой мѣрѣ болѣзни умножаться не допустить. Сія вся зависитъ отъ исторіи, ибо должно ему отъ

---

[1]) Состояніе.

[2]) Тѣмъ меньше.

[3]) Huet (1630—1721).

древнихъ знаніе получить, отчего какая болѣзнь приключается, какими лѣкарствами и какъ пользована, какое лѣкарство какую силу и дѣйство имѣетъ, чего собственнымъ испытаніемъ и дознаніемъ никто бъ ни во сто лѣтъ познать не могъ. А опыты надъ больными дѣлать есть такая опасность, что можетъ душею и тѣломъ погибнуть, хотя то у нѣкоторыхъ невѣждъ нерѣдко случается. О многихъ прочихъ частяхъ философіи не упоминаю, но кратко можно сказать, что вся философія на исторіи основана и оною подпираема, ибо все, что мы у древнихъ правыя или погрѣшныя и порочныя мнѣнія находимъ, суть исторіи къ нашему знанію и причина къ исправленію.

Политика жъ въ трехъ разныхъ качествахъ состоитъ, яко въ правительствѣ внутреннемъ, или экономіи, разсужденіяхъ внѣшнихъ и дѣйствахъ воинскихъ. Всѣ сіи три не меньше исторіи требуютъ и безъ нея быть совершенны не могутъ; яко въ экономическомъ правительствѣ нужно знать, какіе отъ чего прежде вреды приключились, какимъ способомъ отвращены или уменьшены, какія пользы и чрезъ что пріобрѣтены и сохранены, по которому о настоящемъ и будущемъ мудро разсуждать можетъ. Для сея-то мудрости древніе латины короля ихъ Януса съ двумя лицы изобразили, понеже о прошедшемъ обстоятельно зналъ и о будущемъ изъ примѣровъ мудро разсуждалъ.

Иностранныхъ дѣлъ правительству необходимо нужно знать не токмо о своемъ, но и о другихъ государствахъ, въ какомъ которое прежде состояніи было, отчего въ какую перемѣну пришло, и въ какомъ нынѣ состояніи находится, съ кѣмъ, когда, какое преніе или войну о чемъ имѣло, какими договоры о чемъ поставлено и утверждено, и потому благоразумно могутъ въ настоящихъ свои поступки учредить.

Военнымъ вождямъ весьма нужно знать, какимъ кто устроеніемъ или ухищреніемъ великую непріятельскую силу побѣдилъ или отъ побѣды отвратилъ и пр., какъ то видимъ Александръ Великій книги Омеровы о войнѣ Троянской въ

великомъ почтеніи имѣлъ и отъ нихъ поучался. Для сего многіе великіе воеводы дѣла свои и другихъ описали; между всѣми знатнѣйшій прикладъ [1]) Юлій Кесарь: свои войны описавъ, оставилъ, дабы по немъ будущіе воеводы могли его поступки военные въ примѣръ употреблять, въ чемъ многіе сухопутные и морскіе знатные воеводы писаніемъ ихъ дѣлъ послѣдовали. Многіе великіе государи, если не сами, то людей искусныхъ къ писанію ихъ дѣлъ употребляли, не токмо для того, чтобъ ихъ память со славою осталась, но паче для прикладовъ наслѣдникамъ своимъ показать прилежали. Что собственно о пользѣ Русской исторіи принадлежитъ, то равно какъ о всѣхъ прочихъ разумѣть должно, и всякому народу и области знаніе своей собственной исторіи и географіи весьма нужнѣе, нежели постороннихъ; однакожъ должно и то завѣрно почитать, что безъ знанія иностранныхъ своя не будетъ ясна и достаточна: 1) что пишущему свою исторію въ тѣ времена, какъ то дѣлалось, все помогающее или препятствующее отъ постороннихъ извѣстно быть не могло; 2) писатели за страхъ нѣкоторыя весьма нужныя обстоятельства настоящихъ временъ принуждены умолчать, или премѣнить и другимъ видомъ изобразить; 3) по страсти, любви или ненависти, весьма иначе, нежели суще дѣлалось, описываютъ, а у постороннихъ многократно правильнѣе и достаточнѣе находится. Какъ здѣсь о древности русской за недостаткомъ тѣхъ временъ писателей сія первая часть изъ иностранныхъ большею частію сочинена, а въ прочихъ частяхъ неясности и недостатки тако-жъ отъ иностранныхъ изъяснены и дополнены. И хотя насъ европскіе историки тѣмъ порицаютъ, яко бы мы исторій древнихъ не имѣли и о древности своей не знали, для того, что они о томъ, какія мы исторіи имѣемъ, неизвѣстны, а хотя нѣкоторые, сочиня выписки краткія или какое-либо обстоятельство перевели, то другіе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и

---

[1]) Примѣръ.

для того оную презираютъ: сему нѣкоторые наши невѣдующіе согласуютъ, а нѣкоторые, не хотя въ древности потрудиться и не разумѣя подлиннаго сказанія, яко бы для лучшаго изъясненія, но паче для потемненія истины, басни сложа, внесли и сущую правость сказанія древнихъ закрыли; какъ-то: о построеніи Кіева, о строеніи Новаграда Славеномъ и проч. Но я еще точно и ясно скажу, что всѣ европскіе преславнѣйшіе историки, сколько бы о русской исторіи ни трудились, о многихъ древностяхъ правильно знать и сказать безъ читанія нашихъ не могутъ; напримѣръ, о прославившихся въ здѣшнихъ странахъ въ древности народахъ, яко Амазонахъ, Аланехъ, Гунахъ, Аварахъ, Кимбрахъ и Киммерахъ; яко же о всѣхъ Скиѳахъ, Сарматѣхъ и Славянѣхъ, ихъ родѣ, началѣ, древнихъ жилищахъ и прехожденіяхъ, славныхъ въ древнихъ великихъ градѣхъ и областѣхъ Есседоновъ, Архипеевъ, Комановъ и проч., гдѣ они были и какъ нынѣ зовутся, ни мало не знаютъ, развѣ отъ исторіи Русской изъясненной неоспоримую истину обрѣсти могутъ. Наиначе же нужна сія исторія не токмо намъ, но и всему ученому міру, что чрезъ нея непріятелей нашихъ, яко польскихъ и другихъ, басни и сущія лжи, къ поношенію нашихъ предковъ вымышленныя, обличатся и опровергнутся.

Сія-то есть потребность исторіи. Но что всякому человѣку нужно знать, то можно легко уразумѣть, что въ исторіи не токмо нравы, поступки и дѣла, но изъ того происходящія приключенія описуются, яко мудрымъ, правосуднымъ, милостивымъ, храбрымъ, постояннымъ и вѣрнымъ честь, слава и благополучіе, а порочнымъ, несмышленнымъ, лихоимцамъ, скупымъ, робкимъ, превратнымъ и невѣрнымъ безчестіе, поношеніе и оскорбленіе вѣчное послѣдуютъ: изъ котораго всякъ обучаться можетъ, чтобъ первое колико возможно пріобрѣсти, а другого избѣжать.

Матеріалы для изученія сочиненій Татищева.

I. Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ [1]).

(Изложеніе содержанія по ст. К. Н. Бестужева-Рюмина).

Въ своей „Духовной“ Татищевъ писалъ сыну: „Какъ я тебѣ уже ничего болѣе завѣщать не имѣю, но также для твоего о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумѣнію слѣдующимъ Разговоромъ награждаю, который я прошлаго 1733 года, будучи здѣсь, по случаю разговора съ князь Сергіемъ Долгоруковымъ, началъ; потомъ чрезъ разговоры-жъ съ архіепископомъ новгородскимъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и съ князь Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ, якоже съ нѣкоторыми профессоры академіи разсуждая, продолжилъ и тебѣ для памяти оставилъ, изъ котораго желаю тебѣ пользу пріобрѣсти; но притомъ хотя сіе по крайнему моему разумѣнію для пользы твоей истинное писалъ и ясно толковалъ, однакожъ все оное вѣрить и за истину непоколебимую принимать и содержать не принуждаю, для того что я и другіе, о семъ со мною разсуждающіе, хотя были люди умные и мнѣ, какъ благодѣтели и друзья, конечно, умышленно худое бы не похвалили бы и неправедное за праведное не приняли, но какъ всѣ человѣки, по словамъ Давида и апостольскимъ, лжи и погрѣшности подвержены, и для того весьма бы я радъ, если бы ты что неправое въ ономъ исправилъ, а сумнительное, елико для своей, толико и для ближняго пользы, изъяснилъ, что оставляю на твое разсужденіе; и хотя сіе единственно для тебя, а не для другихъ писано, но можетъ кто-либо по случаю увидѣть и можетъ похвалить, однакожъ и то мнѣ не безызвѣстно, что сыщутся и тѣ, которые сіе

[1]) Статья, до сихъ поръ, нигдѣ не напечатанная и извѣстная лишь по приводимому здѣсь изложенію содержанія, сдѣланному проф. Бестужевымъ-Рюминымъ.

мое данное тебѣ наставленіе и разсужденіе будутъ бранить и, выбирая слова, противо моего мнѣнія толковать, да мнѣ оное не дивно, для того что вижу довольно не токмо весьма преславныхъ мужей въ философіи, математикѣ, въ юриспруденціи и другихъ высокихъ наукахъ цвѣтущихъ, самыя науки дерзнули осуждать". Въ этихъ словахъ, помимо косвенныхъ указаній на характеръ и содержаніе „Разговора", что также можетъ быть принято за доказательство принадлежности Татищеву „Разговора", важно остановиться на свѣдѣніяхъ о времени его написанія. Если признавать вѣрнымъ ссылку на 1733 годъ, хотя можно выставить противъ него и нѣкоторыя сомнѣнія; то ничего нельзя возразить противъ выраженія: продолжилъ. Примѣнительно къ „Духовной", это выраженіе должно относиться, равно какъ и выраженіе: началъ, ко времени, обнимающему собою событія, сопровождавшія избраніе Анны Іоанновны на престолъ, движеніе шляхетства противъ верховниковъ, придворную службу Татищева и его сближеніе съ Академіей Наукъ, при содѣйствіи которой онъ велъ изданіе порученнаго ему описанія всѣхъ торжествъ, сопровождавшихъ коронованіе Анны Іоанновны. Въ эти года, Татищевъ былъ участникомъ крупныхъ политическихъ событій, что и доставило ему обширный кругъ знакомствъ, постоянно увеличивавшійся до самаго отправленія его, въ 1734 году, въ Сибирь для управленія горными заводами. Однако-жъ, изъ сличенія рукописей, въ коихъ дошелъ до насъ „Разговоръ", можно убѣдиться, что онъ былъ продолжаемъ и обрабатываемъ и въ позднѣйшіе годы. Такъ въ отвѣтѣ на 41 вопросъ есть свѣдѣнія о религіозныхъ обрядахъ сибирскихъ инородцевъ и калмыковъ, съ коими Татищевъ могъ лично познакомиться скорѣе всего во время означеннаго управленія сибирскими заводами, къ которому потомъ присоединилось управленіе башкирскимъ краемъ и оренбургской экспедиціей, что сопровождалось сношеніями съ новокрещеными калмыками, для которыхъ въ 1737 году построено было небольшое укрѣпленіе, Ставрополь на Волгѣ. Объ этой новой кал-

мыцкой крѣпости упоминается въ отвѣтѣ на 71 вопросъ, а о немъ Татищевъ никакъ не могъ говорить ранѣе конца 1737 г., какъ о мѣстѣ, способномъ для ученія татарскому языку, а еще, вѣроятнѣе, въ 1738 или 1739 г., когда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о калмыкахъ, встрѣчающіяся въ „Разговорѣ", отчасти могутъ быть объясняемы и службою Татищева въ званіи правителя калмыцкой комиссіи и астраханскаго губернатора, что относилось уже къ 1741—1745 годамъ. Татищевъ вообще любилъ пополнять, а иногда и передѣлывать свои сочиненія, при чемъ нерѣдко сообщалъ своимъ знакомымъ рукописи своихъ произведеній то въ первоначальномъ видѣ, то въ исправленномъ. „Разговоръ" ни по своей цѣли, ни по содержанію не можетъ быть названъ такимъ сочиненіемъ, текстъ коего не подлежалъ переработкѣ со стороны самого автора, т. е. дополненіямъ и сокращеніямъ; написавъ въ „Духовной" сыну, что предоставляетъ ему поправлять и изъяснять „Разговоръ", Татищевъ, прожившій послѣ того 16 лѣтъ, могъ и самъ прибавить въ разныхъ мѣстахъ „Разговора" представившіяся ему поправки и изъясненія, какъ это дѣлалъ онъ и съ другими своими сочиненіями. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется отчасти нѣкоторая разница между текстами „Разговора", сохранившимися, съ одной стороны, въ рукописи, принадлежащей нынѣ с.-петербургской публичной библіотекѣ, а съ другой — въ рукописяхъ, находящихся теперь въ Москвѣ...

Изъ сказаннаго нами вытекаетъ выводъ, что 1) „Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ", хотя и былъ первоначально написанъ въ 1733 году, но обработка его текста продолжалась Татищевымъ и послѣ; 2) во всѣхъ извѣстныхъ намъ рукописяхъ текстъ „Разговора" въ большей части своей сохранилъ тотъ видъ, какой данъ былъ ему авторомъ при первоначальной редакціи; 3) пространный и краткій тексты отвѣтовъ на вопросы 13, 14 и 26 одинаково принадлежатъ самому автору, и нѣтъ рѣшительныхъ основаній приписывать

*

составленіе котораго либо изъ нихъ постороннему лицу; 4) отвѣты на вопросы 45, 57 и 67 и нѣкоторыя изъ мелкихъ вставокъ въ другихъ вопросахъ носятъ признаки позднѣйшаго написанія ихъ Татищевымъ.

Что касается содержанія „Разговора", то, не входя въ подробное изслѣдованіе его источниковъ, его связи съ другими сочиненіями Татищева, а тѣмъ менѣе въ провѣрку изложенныхъ въ немъ свѣдѣній и мнѣній, при помощи другихъ данныхъ, современныхъ „Разговору", мы ограничимся очеркомъ той программы, которою руководился авторъ.

Исходною мыслію для Татищева при составленіи „Разговора" послужило убѣжденіе въ необходимости познанія самого себя для всякаго истинно разумнаго и просвѣщеннаго человѣка, каковое познаніе достигается, по его мнѣнію, только помощію науки (вопр. 1—4). Но какъ познаніе человѣка можетъ быть внутреннее, касающееся духовныхъ его свойствъ, и внѣшнее, касающееся свойствъ физическихъ, и оба одинаково ведутъ къ познанію, съ одной стороны, добра или блага, а съ другой—зла, то они равно необходимы для нашего будущаго и настоящаго благополучія (вв. 5—12). Такъ какъ предметомъ научнаго познанія служитъ самъ человѣкъ, то авторъ и долженъ былъ коснуться вопроса о составныхъ частяхъ человѣческаго организма (в. 13), о душѣ, ея свойствахъ и состояніи и прежде всего разъяснить вопросъ о ея пребываніи въ тѣлѣ (в. 14). Подъ силами души Татищевъ разумѣетъ умъ и волю, коими и управляется человѣкъ точно такъ же, какъ его физическая жизнь руководится чувствами: зрѣніемъ, слышаніемъ, вкушеніемъ, обоняніемъ и ощущеніемъ (в. 15). Далѣе идетъ рѣчь о качествахъ и силахъ ума, которыя, впрочемъ, авторъ называетъ также свойствами и силами души (вв. 16—17). Эти свойства суть: понятность, память, догадка или смыслъ и сужденіе, изъ коихъ каждое разсматривается въ особомъ вопросѣ (вв. 18—21). Ученіе о волѣ и ея свойствахъ или склонностяхъ изложено еще съ большею подробностью (вв. 22—26). Изъ того, что

свойства человѣческаго ума требуютъ постояннаго развитія для своего совершенствованія, а склонности воли требуютъ для ихъ правильнаго примѣненія въ жизни извѣстнаго руководства и правилъ, Татищевъ выводитъ необходимость обученія (вв. 27—28). Но обученіе должно соотвѣтствовать возрастамъ человѣка, и потому онъ даетъ характеристику этихъ возрастовъ—младенчества, юношества, мужества и старости (вв. 29—33). Человѣкъ во всѣ свои возрасты такъ или иначе, изъ книгъ въ училищахъ или путемъ жизни, при помощи разныхъ обстоятельствъ, продолжаетъ свое обученіе, ибо никогда нельзя назвать его совершеннымъ (вв. 34—35). Подобно тому, какъ знанія каждаго человѣка совершенствуются съ переходомъ его изъ одного возраста въ другой, такъ и знанія, накоплявшіяся въ человѣчествѣ въ лицѣ различныхъ народовъ, совершенствовались постепенно, по мѣрѣ перехода человѣчества по своего рода возрастамъ (вв. 36—37). Возрасты человѣчества или міра Татищевъ дѣлитъ такъ: младенческій или времена древнія, предшествовавшія изобрѣтенію письменъ (в. 38), второй возрастъ—отъ обрѣтенія письма до пришествія Христова (в. 39—41), третій возрастъ — отъ пришествія Христа до изобрѣтенія книгопечатанія (в. 42), четвертый возрастъ—отъ обрѣтенія тисненія книгъ до послѣднихъ лѣтъ (в. 43). Такое дѣленіе принимаетъ онъ лишь относительно усовершенствованія научныхъ познаній. Такъ какъ при характеристикѣ этихъ возрастовъ ему приходилось говорить болѣе всего объ успѣхахъ наукъ математическихъ и философскихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ коснуться вопроса о вліяніи христіанства на ихъ развитіе, то прежде чѣмъ перейти къ доказательствамъ пользы, проистекающей для человѣка и человѣчества вообще отъ помянутыхъ наукъ, онъ долженъ былъ остановиться на мнѣніи, что науки могутъ быть вредны въ религіозномъ отношеніи и производить ереси. Доказавъ неосновательность такого мнѣнія и требуя возможно большей свободы для науки (в. 44), Татищевъ со всею силою высказывается противъ запрещенія читать на-

роду Библію, которое ведетъ свое происхожденіе изъ римской церкви: онъ считаетъ это запрещеніе одинаково вреднымъ какъ для успѣховъ христіанства, такъ и для успѣховъ науки (в. 45). Затѣмъ онъ доказываетъ необходимость ученія и пользу науки для государства вообще (в. 46) и для каждаго сословія въ частности (в. 47). Связавъ вопросъ объ успѣхахъ наукъ съ вопросомъ о религіи, Татищевъ долженъ былъ остановиться на мнѣніи, что разность вѣроисповѣданій въ одномъ и томъ же государствѣ наноситъ вредъ оному и что, если науки могутъ повести къ политическимъ ересямъ, то различіе вѣроисповѣданій — къ церковнымъ. Объяснивъ недоразумѣнія, послужившія основаніемъ для сего мнѣнія, и опровергнувъ ихъ (в. 48), Татищевъ переходитъ къ самому разсужденію о наукахъ.

Вторая часть „Разговора" начинается дѣленіемъ наукъ на нужныя, полезныя, щегольскія или увеселяющія, любопытныя или тщетныя, и вредныя, при чемъ для каждаго изъ этихъ отдѣловъ предлагается особая характеристика (вв. 49—54). Изъ этихъ характеристикъ видно, что Татищевъ разумѣлъ подъ науками всякаго рода познанія, основанныя на какомъ бы то ни было ученіи и заключающія въ себѣ не только теоретическія или практическія свѣдѣнія, но такія, которыя возникли за предѣлами истинной науки, что отчасти объясняется утилитарнымъ взглядомъ, господствовавшимъ между его современниками на знанія вообще. Изъ того же побужденія вышло и его дальнѣйшее объясненіе о необходимости тѣхъ или другихъ наукъ только для нѣкоторыхъ сословій (в. 55). Такъ какъ главнымъ средствомъ для всякаго обученія является знаніе того или другого языка, то далѣе въ „Разговорѣ" представлена краткая исторія изобрѣтенія письменъ, въ особенности славянскихъ и русскихъ (вв. 56—57); затѣмъ идетъ разсужденіе о происхожденіи языковъ, различіяхъ между ними и порчѣ ихъ (вв. 58—60); о порчѣ русскаго языка и о неизбѣжныхъ въ его составѣ измѣненіяхъ (вв. 61—65). При этомъ Татищевъ доказываетъ

пользу отъ изученія чужихъ языковъ, въ особенности греческаго и латинскаго, и сѣтуетъ на нерасположеніе до-петровской Россіи къ изученію латинскаго языка, что объясняетъ опасеніями, вызванными въ русскихъ людяхъ притязаніями католической церкви (вв. 66—67); настаиваетъ на изученіи древнихъ и новыхъ языковъ русскимъ шляхетствомъ (вв. 68—69); говоритъ даже объ изученіи языковъ азіатскихъ народовъ, живущихъ въ Россіи, и могущей проистечь изъ того пользы (вв. 70—73). Имѣя цѣлью доказать въ своемъ „Разговорѣ" необходимость посылки молодыхъ людей за границу для обученія, онъ указываетъ на неудобства, проистекающія отъ обученія дѣтей новымъ языкамъ чрезъ домашнихъ учителей (в. 74). Предвидя возраженіе, что въ Россіи есть уже свои училища, онъ останавливается на недостаточномъ ихъ числѣ и еще болѣе на ихъ неудовлетворительномъ состояніи, при чемъ говоритъ о недостаткахъ: Академіи Наукъ, какъ образовательнаго заведенія (вв. 75—76), Шляхетскаго корпуса (в. 77), школъ адмиралтейской, артиллерійской, инженерной и математическихъ (в. 78), Заиконоспасской богословской школы въ Москвѣ и епархіальныхъ вообще (в. 79). Выводя отсюда необходимость отправленія русской молодежи за границу, Татищевъ считаетъ однакожъ нужнымъ пересчитать тѣ условія, какія надо соблюдать при этомъ для успѣшности обученія и народной пользы (в. 80). Затѣмъ успѣшность заграничнаго обученія доказывается характеристикой того состоянія, какого науки достигли у разныхъ народовъ и въ разныхъ странахъ вообще (вв. 81—85), въ Англіи и Франціи въ особенности (вв. 86—88), послѣ чего Татищевъ останавливается на причинахъ, по которымъ Польша и Испанія не оказали особенныхъ успѣховъ въ наукахъ (в. 89).

Третья часть „Разговора" имѣетъ своимъ предметомъ политическую сторону научныхъ познаній и разъясняетъ пути къ пріобрѣтенію ихъ. Здѣсь, прежде всего. рѣчь идетъ о законахъ вообще, при чемъ доказывается, что всѣ виды ихъ

основаны на любви и стремленіи къ благополучію (вв. 90—91). Совѣтуя изучать право естественное, Татищевъ говоритъ, что оно заключаетъ въ себѣ правила мудрости, благоговѣнія, справедливости, содружества и благоразумія (вв. 92—96). Затѣмъ онъ говоритъ о путяхъ и средствахъ, при помощи коихъ познается право естественное (вв. 99—100), о различныхъ видахъ государственнаго правленія (в. 101) и о необходимости для всѣхъ ихъ соотвѣтственныхъ властей и законовъ (в. 102). Опредѣливъ различіе между законами письменными и естественными, божественными, церковными и гражданскими (вв. 103—105), Татищевъ разъясняетъ вопросъ объ источникахъ письменнаго законодательства и объ условіяхъ, обезпечивающихъ его правильность и прочность (вв. 106—108). Перечисливъ извѣстнѣйшія законодательства, возникшія у другихъ народовъ (в. 109), Татищевъ изображаетъ движеніе законодательства въ Россіи (110—111) и указываетъ, какъ необходимо, особенно для шляхетства, изучать законы (вв. 112—113).

Дальнѣйшіе шесть вопросовъ (114—119), представляющіе собою выводъ, который Татищевъ долженъ былъ сдѣлать изъ всего предшествовавшаго содержанія своего „Разговора", заключаютъ въ себѣ планъ преобразованія существовавшихъ въ Россіи въ то время училищъ и учрежденія нѣсколькихъ новыхъ, ибо при лучшемъ состояніи школъ уменьшится и потребность въ заграничномъ обученіи. Послѣдній (120) вопросъ заканчиваетъ весь „Разговоръ" мыслью, что онъ можетъ принести нѣкоторую пользу тѣмъ, кто внимательно прочтетъ его.

Такова программа, по которой написано Татищевымъ, за полтораста лѣтъ до настоящаго времени, сочиненіе его, въ коемъ онъ выразилъ свои взгляды на науку и просвѣщеніе, какъ на могущественное средство къ развитію народнаго и личнаго самопознанія. Во всякомъ случаѣ, „Разговоръ", съ точки зрѣнія историко-литературной, представляетъ очень любопытное и крупное произведеніе русскаго слова, которое нельзя обходи[illegible] о судьбахъ русскаго просвѣщенія въ VIII вѣкѣ.

II. Исторія Россійская.

(Изъ ст. С. М. Соловьева).

Татищевъ и за границей, изучая горное дѣло, и въ Москвѣ, въ трудахъ по монетной канцеляріи, и въ Сибири, устраивая горное дѣло, и въ Самарѣ, будучи начальникомъ оренбургской экспедиціи, не переставалъ заниматься русскою исторіей, собирать ея матеріалы и устраивать ихъ.

Что же заставило его употреблять столько времени и трудовъ на русскую исторію? Татищевъ самъ разсказываетъ, что графъ Брюсъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, занимался составленіемъ русской географіи; сперва Татищевъ только помогалъ Брюсу въ этомъ дѣлѣ, а потомъ долженъ былъ одинъ взять на себя географическіе труды. Ставши разбираться въ нихъ хозяиномъ, Татищевъ замѣтилъ, что безъ полной и вѣрной исторіи нельзя успѣть въ составленіи полной и вѣрной географіи — и вотъ онъ начинаетъ заниматься русскою исторіей, собираетъ лѣтописи, дѣлаетъ выписки изъ нѣмецкихъ и польскихъ историческихъ книгъ, потому что самъ знаетъ эти два языка; изъ книгъ же, написанныхъ на языкахъ ему неизвѣстныхъ, заставляетъ переводить все относящееся къ Россіи. Собравши матеріалы, онъ приступаетъ къ пользованію ими, хочетъ составить изъ нихъ обширный историческій трудъ. „Причина начатія сего моего труда, говоритъ онъ, хотя отъ графа Брюса, но въ продолженіе такъ многому сказанію и произведеній главнѣйшее было желаніе воздать должное благодареніе вѣчной славы и памяти достойному государю, Его Импер. В-ству Петру Великому за его высокую ко мнѣ показанную милость, яко же къ славѣ и чести моего любезнаго отечества“.

Предложивъ во введеніи понятіе исторіи, подъ которою разумѣетъ дѣяніе въ смыслѣ всѣхъ явленій и приключеній, а не однихъ только дѣлъ человѣческихъ; предложивъ раздѣленіе исторіи на священную, церковную, политическую,

ученую, Татищевъ переходитъ къ пользѣ исторіи, показать которую онъ считаетъ нужнымъ потому, что ему „не безъ прискорбности случалось слушать разсужденія о безполезности исторіи.“ По мнѣнію Татищева, богословъ, юристъ, медикъ, администраторъ, дипломатъ, полководецъ не могутъ съ успѣхомъ исполнять своихъ должностей безъ знанія исторіи. Для русскихъ знаніе своей исторіи нужнѣе, чѣмъ знаніе исторіи другихъ народовъ; но и для русскихъ нужно изученіе иностранной исторіи, а для иностранцевъ русской: одни отечественные источники недостаточны для составленія вполнѣ безпристрастной исторіи, потому что отечественные писатели, въ своихъ сужденіяхъ, могли руководствоваться любовью или страхомъ. Западно-европейскіе историки безъ знанія русской исторіи никакъ не могутъ уяснить себѣ исторіи древнихъ народовъ, обитавшихъ въ областяхъ нынѣшней Россіи, притомъ иностранцы только черезъ изученіе русской исторіи могутъ получить средство опровергнуть ложь, сочиненную нашими врагами. Но Татищевъ, заставляя и своихъ и чужихъ учиться русской исторіи, долженъ былъ и отъ тѣхъ и отъ другихъ встрѣтить сильное возраженіе: да какой интересъ и какая польза отъ изученія исторіи народа, который сталъ извѣстенъ, получилъ значеніе только со вчерашняго дня, и что можетъ разсказать о своей исторіи народъ, который до вчерашняго дня пребывалъ въ невѣжествѣ, во тьмѣ; какіе историческіе памятники можно найти у такого народа? Разумѣется, Татищевъ, по средствамъ вѣка, не могъ научнымъ образомъ опровергнуть этого возраженія, показать невозможность знанія новой исторіи безъ знанія древней, невозможность писать исторію Россіи съ царя Михаила Ѳеодоровича, или выбрать изъ древне-русской исторіи какое-нибудь царствованіе поважнѣе, напримѣръ, Іоанна Грознаго, какъ хотѣли дѣлать тогда въ академіи; Татищевъ, какъ собиратель древнихъ памятниковъ, оскорблялся мнѣніемъ, что такихъ памятниковъ не можетъ быть много, не можетъ быть достойныхъ внимонія историческихъ памятниковъ у народа,

погрязавшаго во тьмѣ невѣжества, и написалъ: „Хотя насъ европейскіе историки тѣмъ порицаютъ, якобы мы исторій древнихъ не имѣли и о древности своей не знали, для того что они о томъ, какія мы исторіи имѣемъ, неизвѣстны; а хотя нѣкоторые, сочиня выписки краткія или какое-либо обстоятельство перевели (указаніе на труды Миллера), то другіе, думая, что мы лучше оныхъ не имѣемъ, и для того оную презираютъ: сему нѣкоторые наши невѣдущіе согласуютъ, а нѣкоторые, не хотя въ древности трудиться и не разумѣя подлиннаго сказанія, якобы для лучшаго изъясненія, но паче для потемнѣнія истины, басни сложа, внесли, и сущую правость сказанія древнихъ закрыли.“ Второе печальное явленіе, на которое указываетъ Татищевъ, было необходимымъ слѣдствіемъ перваго: плохое знаніе русской исторіи по источникамъ не только въ XVII или XVIII, но и въ XIX вѣкѣ плодили людей, ученыхъ самозванцевъ, которые не хотѣли въ древности потрудиться и однако на все имѣли готовое объясненіе. Татищевъ своими словами, вѣроятно, обозначилъ Крекшина, извѣстнаго выдавателя басень подъ именемъ исторіи.

Указавъ на то, что нужно для историка (обширная начитанность, логика и риторика), изложивъ правила исторической критики, Татищевъ перечисляетъ источники русской исторіи, которые раздѣляетъ на 1) общіе (Нестеровъ-Временникъ, Степенная книга, Хронографъ, Синопсисъ); 2) предѣльныя, т. е. мѣстныя лѣтописи; 3) акты; 4) участные, т. е. біографіи, описанія отдѣльныхъ событій, житія святыхъ. Краткіе отзывы о разныхъ перечисленныхъ источникахъ вообще правильны; между матеріаломъ Татищевъ упоминаетъ и о такихъ сочиненіяхъ, которыя были извѣстны ему только по имени и которыхъ, несмотря на всѣ старанія, онъ нигдѣ отыскать не могъ. Но если самъ Татищевъ откровенно говоритъ, какія книги у него были и какія онъ знаетъ только по имени, подробно разсказывая, какія изъ нихъ находились у кого изъ извѣстныхъ людей, то, видя новую добросовѣстность, имѣемъ ли право обвинять его въ искаженіяхъ, под-

логахъ и т. п.? Еслибъ онъ былъ писатель недобросовѣстный, то онъ написалъ бы, что все имѣлъ въ рукахъ, все читалъ, все знаетъ. Мы имѣемъ полное право въ его сводѣ лѣтописей принимать одно, отвергать другое, но не имѣемъ никакого права въ неправильности нѣкоторыхъ извѣстій обвинять самого Татищева.

Сперва Татищевъ началъ было сочинять, „историческимъ порядкомъ, сводя изъ разныхъ мѣстъ къ одному дѣлу, и нарѣчіемъ такимъ, какъ нынѣ наиболѣе въ книгахъ, употребляемъ.“ Но ясный смыслъ, къ счастью, заставилъ Татищева перемѣнить намѣреніе: онъ нашелъ въ спискахъ лѣтописи разноглаголя, при чемъ, сочиняя исторію, разумѣется, долженъ былъ выбирать; кромѣ того списки находились въ разныхъ рукахъ, отчего могли затеряться, ссылаться на нихъ нельзя, и еслибъ, по словамъ Татищева, „нарѣчіе и порядокъ ихъ перемѣнить, то опасно, чтобы и вѣроятности не погубить.“ Это заставило Татищева свести всѣ списки „тѣмъ порядкомъ и нарѣчіемъ, каковые въ древнихъ находятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, не перемѣняя, не убавляя изъ нихъ ничего, кромѣ не подлежащаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія святыхъ, чудеса, явленія и пр., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыхъ на концѣ приложилъ, такожъ ничего не прибавливалъ, развѣ необходимо нужное для выразумѣнія слово положить, и то отличалъ вмѣстительною.“ Потомъ, думая, что такой сводъ будетъ невразумителенъ для большинства читателей, и особенно неудобенъ для перевода на иностранные языки, Татищевъ перевелъ его на употребительный въ его время языкъ.

Послѣ исчисленія матеріаловъ, Татищевъ предлагаетъ раздѣленіе своего труда на четыре части: первая заключаетъ извѣстія о лѣтописяхъ и описаніе трехъ главныхъ народовъ-скиѳовъ, сарматовъ и славянъ; вторая отъ 860 года до нашествія татаръ; третья отъ татаръ до Іоанна III; четвертая

отъ Іоанна III до царя Михаила Ѳеодоровича. Татищевъ хотѣлъ остановиться на избраніи царя Михаила, во первыхъ, потому, что событія, начиная съ этого времени, еще въ свѣжей памяти, и писать исторію новой династіи никому не будетъ трудно; во вторыхъ, потому, что въ „настоящей исторіи явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которые если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнутъ на злобу, а обойти оные—погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстью несогласно". При этомъ Татищевъ говоритъ, что книгъ, могшихъ быть ему полезными, собралъ онъ болѣе 1000; жалуется на недостатокъ искусныхъ переводчиковъ, на неправильность польскихъ сочиненій, искажавшихъ древнія имена переводомъ ихъ на новыя; говоритъ, что принесли ему пользу лексиконы: Буддеевъ всеобщій историческій, Генсіусовъ или Мартиньеровъ географическій, Бойлевъ исторіи критическій; но жалуется, что относительно русской исторіи въ нихъ нѣтъ ни одного вѣрнаго извѣстія, ибо иностранцы не знаютъ русской исторіи и географіи: „и они въ томъ невинны, прибавляетъ Татищевъ, когда того и у насъ нѣтъ".

Введеніе свое Татищевъ заключаетъ указаніемъ причины всѣхъ приключеній и дѣяній: эта причина, по его мнѣнію, есть умъ, или отсутствіе его, глупость. Такой односторонній взглядъ соотвѣтствовалъ тому началу, которое было тогда на очереди въ преобразованной Россіи. Преобразованіе произошло вслѣдствіе того, что русскіе сознали необходимость просвѣщенія, науки, для продолженія своей исторической жизни. Отсюда развитіе ума на первомъ планѣ, тогда какъ въ древней Россіи, при недостаткѣ просвѣщенія, умственнаго развитія, господствовало чувство, другая „причина всѣхъ приключеній и дѣяній". Какъ всякая сила человѣческая, не умѣряясь другою, стремится къ крайности, производитъ неправильности и заблужденія, такъ и чувство, не умѣряемое развитіемъ умственнымъ, просвѣщеніемъ, вело въ древней Россіи къ извѣстнымъ печальнымъ явленіямъ, вѣру превра-

щало въ суевѣріе. Произошелъ переворотъ, на очереди явилось другое начало, и мы также замѣчаемъ односторонность и слѣдствія ея, неправильности и заблужденія. Ревностные служители новаго начала, дѣти преобразованія, научившись и начитавшись, въ своей враждѣ къ искаженію господствовавшаго въ древней Россіи начала, къ тому, что они называли суевѣріемъ, не поняли, что съ однимъ умомъ безъ чувства въ исторіи ничего не дѣлается, что чувство есть начало зиждительное, тогда какъ умъ, неумѣряемый чувствомъ, можетъ только сомнѣваться, отрицать и разрушать, но никогда ничего не создастъ и не спасетъ. Умники не поняли и не понимаютъ, что въ западной Европѣ такъ называемые Средніе Вѣка, вѣка варварства и невѣжества, были вѣками зиждительными для государства и общества, потому что тогда господствовало чувство; а когда наступило господство другого направленія, умственное развитіе, сомнѣніе, то зиждительства не видимъ; видимъ болѣе или менѣе правильное развитіе созданнаго, да и то только при помощи чувства, одушевленія, вѣры.

Но отъ увлеченій Татищева, понятныхъ при такомъ ревностномъ служеніи новому началу, при сильной борьбѣ съ искаженіемъ начала, господствовавшаго въ древней Россіи, возвратимся къ заслугамъ его. Татищевъ положилъ начало изслѣдованіемъ о Несторѣ, первый утвердилъ за нимъ древнѣйшую южную лѣтопись, первый указалъ мѣсто, гдѣ Несторъ долженъ былъ остановиться; первый указалъ на позднѣйшія вставки, и хотя указанныя имъ мѣста болѣе принадлежатъ начальному лѣтописцу, чѣмъ другія, но здѣсь важны пріемы, взглядъ на дѣло, а не отдѣльныя замѣчанія, которыя могутъ быть невѣрны или спорны. Татищевъ съ презрѣніемъ отвергаетъ старанія выводить руссовъ отъ библейскаго Росса и т. п. Руссы, по мнѣнію Татищева, финны, но они же могутъ быть причислены и къ варягамъ, вмѣстѣ съ скандинавами, потому что это названіе промысла (разбойничества), а не народное. Татищевъ высказалъ мысль о древ-

ности славянъ въ Европѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они теперь обитаютъ. Разсужденіе, гдѣ авторъ отвергаетъ обычное тогда производство Москвы отъ Мосоха и тому подобныя, можетъ служить, по тому времени, образцомъ здраваго смысла, яснаго взгляда на предметъ. Татищевъ отвергъ существованіе грамоты, данной славянамъ Александромъ Македонскимъ; но отстранено сомнѣніе на счетъ подлинности договора Олегова съ греками. Въ примѣчаніяхъ къ своду лѣтописей не оставлено безъ объясненія почти ни одного выпуклаго явленія древней русской жизни.

Таковъ трудъ Татищева, извѣстный подъ названіемъ Исторіи россійской. Заслуга Татищева состоитъ въ томъ, что онъ началъ дѣло, какъ слѣдовало начать: собралъ матеріалы, подвергъ ихъ критикѣ, свелъ лѣтописныя извѣстія, снабдилъ ихъ примѣчаніями, географическими, этнографическими и хронологическими, указалъ на многіе важные вопросы, послужившіе темами для позднѣйшихъ изслѣдованій, собралъ извѣстія древнихъ и новыхъ писателей о древнѣйшемъ состояніи страны, получившей послѣ названіе Россіи; однимъ словомъ, указалъ путь и средства своимъ соотечественникамъ заниматься русскою исторіею; кто посвятилъ себя научнымъ изслѣдованіямъ, тотъ знаетъ, какъ важны первыя указанія на предметъ, на его различныя стороны, какъ бы мнѣнія перваго указателя ни были неправильны, тотъ оцѣнитъ важныя заслуги Татищева, какъ перваго указателя, не говоря уже о томъ, что мы обязаны Татищеву сохраненіемъ извѣстій изъ такихъ списковъ лѣтописей, которые, быть можетъ, навсегда для насъ потеряны.

III. Историко-политическія сочиненія.

(Изъ ст. Караулова).

Собирая матеріалы для сочиненія подробной русской географіи, Татищевъ пришелъ къ мысли о необходимости предварительно изучить подробно исторію Россіи. Въ дѣлѣ рус-

ской исторіи, какъ мы знаемъ, до Татищева существовали однѣ лишь лѣтописи, отдѣльные лѣтописные разсказы, записки и т. п. историческіе матеріалы, не собранные въ одно цѣлое, не приведенные въ порядокъ и не разработанные критически; а безъ подобной предварительной переработки историческихъ матеріаловъ знакомство съ истинной русской исторіей было невозможно. И потому Татищевъ принялся самъ за собираніе и изслѣдованіе матеріаловъ по русской исторіи. Плодомъ этихъ историческихъ занятій былъ трудъ Татищева, извѣстный подъ именемъ „Исторіи Россійской", надъ сочиненіемъ которой авторъ трудился тридцать лѣтъ.

Трудъ Татищева не есть въ собственномъ смыслѣ исторія, да и самъ авторъ не имѣлъ въ виду написать русскую исторію. Онъ хотѣлъ только показать, въ чемъ собственно заключается русская исторія и какіе существуютъ источники для ея изученія. „Исторія" Татищева собственно представляетъ сводъ русскихъ лѣтописей, снабженный критическими примѣчаніями автора, и выписки изъ иностранныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ историческія извѣстія и свѣдѣнія о Россіи [1]).

Какъ сводъ лѣтописей и критика историческихъ фактовъ, трудъ Татищева и теперь не утратилъ своего значенія. Татищевъ, по справедливости, можетъ быть названъ первымъ русскимъ историкомъ въ томъ отношеніи, что онъ первый

---

[1]) „Исторія россійская, чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная" Татищева, была издана уже послѣ смерти автора и состоитъ изъ 5 книгъ; изъ нихъ 3 книги были напечатаны академикомъ Миллеромъ, по повелѣнію Екатерины II (1768—1774), четвертая напечатана въ 1784 г., а пятая, открытая г. Погодинымъ, напечатана въ новѣйшее время. Въ напечатанныхъ книгахъ содержатся: извѣстіе о русскихъ лѣтописяхъ и извлеченіе изъ иностранныхъ книгъ о первобытныхъ народахъ, населявшихъ Россію: скиѳахъ, сарматахъ, славянахъ и др. и наконецъ, сводъ лѣтописныхъ извѣстій, съ 860 года до царя Ѳеодора Ивановича. Разработанъ критически лишь первоначальный періодъ до нашествія татаръ. Кромѣ того, остались неизданными записки Татищева о времени царствованія остальныхъ царей русскихъ,—включительно до Алексѣя Михайловича.

представилъ опытъ наукообразной разработки источниковъ русской исторіи, первый указалъ на ихъ важность и значеніе не только для русской, но и для всеобщей исторіи. Свой взглядъ на исторію вообще и на русскую исторію въ особенности и свои научныя, нравственно-религіозныя и политическія идеи и понятія Татищевъ высказываетъ въ обширномъ предисловіи и въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ „Исторіи россійской". Изъ послѣднихъ особенно видны какъ обширная начитанность Татищева и его знакомство съ сочиненіями Гоббеса, Беля, Маккіавелли и другихъ европейскихъ философовъ и политиковъ, такъ равно и его критическій талантъ. Подвергая критикѣ, доказывая достовѣрность или недостовѣрность извѣстнаго историческаго факта или явленія, стараясь объяснить ихъ внутренній смыслъ и значеніе, Татищевъ въ то же время бросаетъ критическій взглядъ на аналогическія явленія современной ему русской жизни. И при этомъ высказываются его собственные, политическіе и религіозные, взгляды и сужденія. Разсуждая, напримѣръ, о древнемъ правительствѣ русскомъ и показавъ разницу между формами правленія: монархическою, аристократическою и демократическою, Татищевъ доказываетъ, что для русскаго государства „потребно единовластительство", т. е. необходимо правленіе самодержавное. Разбирая и объясняя лѣтописныя извѣстія о древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ на Руси, авторъ въ тоже время нападаетъ на современное ему невѣжество, на нелюбовь къ наукамъ, на суевѣрія и религіозное лицемѣріе, на старовѣровъ, или—по его выраженію—„пустовѣровъ", на суевѣрныя „бабьи басни", на „враки ханжей и пустосвятовъ" и т. п. Въ выраженіи подобныхъ взглядовъ и понятій Татищевъ является рѣшительнымъ послѣдователемъ и писателемъ реформы: онъ, подобно Ѳеофану Прокоповичу и другимъ, нерѣдко дѣлаетъ намеки на современныхъ учителей вѣры, которые, вмѣсто поученій народу объ „истинахъ вѣры Христовой и о благонравіи, преподаютъ ему преданія и узаконенія человѣческія, для

своихъ лакомствъ вымышленныя". Такія рѣзкія сужденія Татищева, противорѣчащія мнѣнію современнаго большинства, были причиною, что его „Исторія" не встрѣтила сочувствія и заслуженной оцѣнки у современниковъ и была издана только чрезъ 30—40 лѣтъ, послѣ своего сочиненія. Самъ Татищевъ говоритъ въ Духовной сыну, что за вышеприведенныя мнѣнія свои онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ и даже въ безбожіи: тогда какъ его наставленіе сыну, выраженныя въ той же духовной, представляютъ намъ Татищева, какъ человѣка истинно-религіознаго.

Занимаясь разработкой источниковъ по русской исторіи, Татищевъ первый открылъ „Русскую Правду" и „Судебникъ" Ивана IV и составилъ къ нимъ историческія и юридическія примѣчанія. Изъ прочихъ историко-политическихъ сочиненій Татищева особенно интересна напечатанная недавно записка его, подъ заглавіемъ „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ". Это „Разсужденіе" написано Татищевымъ по поводу олигархическихъ стремленій и незаконныхъ дѣйствій „верховнаго тайнаго суда" (или „верховниковъ", какъ ихъ тогда называли). Верховники, какъ извѣстно, предложили русскій престолъ, послѣ смерти Петра II, дочери царя Ивана Алексѣевича, герцогинѣ курляндской, Аннѣ, подъ условіемъ ограниченія императорской власти властію „верховнаго тайнаго совѣта". Вотъ противъ этого-то намѣренія верховниковъ и была написана Татищевымъ названная выше записка, какъ выраженіе желаній большинства тогдашняго русскаго „шляхетства", или дворянства, представленное отъ его имени императрицѣ Аннѣ, во время ея коронаціи въ Москвѣ, съ просьбою о принятіи самодержавія, по примѣру ея предшественниковъ, и объ уничтоженіи верховнаго тайнаго совѣта. Императрица согласилась и разорвала условія, предписанныя ей верховниками.

Въ „Разсужденіи о правленіи государственномъ" Татищевъ, основываясь на понятіяхъ о государственномъ правѣ

и на исторіи, доказываетъ незаконность и преступность дѣйствій тѣхъ изъ русскихъ вельможъ, которые „дерзнули собою“ (т. е. собственною властію, безъ воли всего народа, или безъ „общенароднаго соизволенія“, какъ говоритъ авторъ) „единовластительство оставить, а ввести аристократію“. Развивая далѣе свои доказательства, Татищевъ разсуждаетъ подробно о трехъ формахъ правленія: о демократіи, аристократіи и монархіи, приводитъ примѣры разныхъ государствъ, обращается къ примѣрамъ изъ русской исторіи и приходитъ къ тому заключенію, что для Россіи необходимо и полезно лишь „единовластіе“, въ такомъ видѣ, какъ оно установлено Петромъ Великимъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ на политическія событія, Татищевъ обнаруживаетъ здѣсь замѣчательную широту взгляда, а въ его выводахъ и въ доказательствахъ главной мысли сочиненія видна стройная логическая послѣдовательность.

IV. Ученые труды.

(Изъ соч. Н. Попова).

В. Н. Татищевъ (родился 19-го апрѣля 1686 г., умеръ 15-го іюля 1750 г.) былъ однимъ изъ выразителей тѣхъ стремленій, какими жила Россія въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣковъ, и однимъ изъ участниковъ въ разъясненіи и обсужденіи тѣхъ задачъ, около которыхъ вращались политическая и правительственная дѣятельность современнаго ему общества. Татищевъ началъ службу въ драгунскомъ Азовскомъ полку, былъ потомъ артиллеристомъ, горнымъ чиновникомъ, совѣтникомъ бергъ-коллегіи и монетной конторы, главнымъ правителемъ сибирскихъ и уральскихъ заводовъ, начальникомъ оренбургской экспедиціи и башкирскаго края и, наконецъ, астраханскимъ губернаторомъ, управлявшимъ въ то же время и дѣлами калмыцкаго народа. Вотъ рамка, въ которую укладывалась служебная дѣятельность Татащева и въ предѣлахъ которой видоизмѣнялись и постепенно расширялись его офиціальныя права и обязанно-

сти. Въ качествѣ военнаго человѣка онъ участвовалъ въ великой Сѣверной войнѣ, передавшей Россіи обладаніе берегами Балтійскаго моря, чего добивались московскіе цари еще со времени Ивана Грознаго. Онъ сражался въ Полтавской битвѣ, давшей рѣшительный поворотъ Сѣверной войнѣ, и потомъ исполнялъ важныя порученія при русскихъ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ шведовъ за границей. Къ Петровскому же времени относится и первое вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла польской Рѣчи Посполитой, основывавшееся на томъ, что Петръ явился посредникомъ, закрѣпившимъ договоръ, заключенный въ 1716 г. между королемъ Августомъ II и польской шляхтой; Татищевъ именно около этого времени дважды побывалъ въ Польшѣ и, ознакомившись съ ея тогдашнимъ устройствомъ, нашелъ нужнымъ заняться и ея прошлою исторіей. Онъ участвовалъ и въ той войнѣ съ турками, которою началось покровительство Россіи христіанамъ Балканскаго полуострова, а на склонѣ жизни своей руководилъ пограничными сношеніями съ кавказскими горцами и охранялъ русскія владѣнія въ Прикавказьѣ и русскую торговлю на берегахъ Каспійскаго моря отъ замысловъ персидскаго шаха Надира. Наконецъ большого труда и многихъ заботъ потребовали отъ него усмиреніе башкирскаго мятежа, управленіе калмыками, поселеніе принявшихъ между ними православіе въ построенномъ для нихъ Ставрополѣ на Волгѣ, переговоры и торговыя сношенія съ киргизами, а также столкновенія съ бухарцами, хивинцами и туркменами. Такимъ образомъ, на глазахъ Татищева завязались тѣ вопросы внѣшней политики, которые характеризуютъ исторію Россіи за послѣдніе два вѣка: вопросъ о преобладаніи ея на сѣверѣ Европы, вопросы польскій и восточный и колонизаціонное движеніе русскаго народа въ Среднюю Азію. Но вся эта дѣятельность, обращенная на задачи, входившія въ кругъ внѣшней политики Россіи, равно какъ и дѣятельность административная, не выдвинула бы Татищева впередъ изъ ряда другихъ сотрудниковъ и учениковъ Петра, если бы онъ не

представлялъ собою примѣръ правителя, изучившаго ввѣренныя имъ области съ ихъ населеніемъ во всѣхъ ихъ настоящихъ нуждахъ и прошлой жизни, старавшагося узнать поручаемыя ему дѣла не только съ практической ихъ стороны, но и съ точки зрѣнія исторической и юридической. Татищевъ на всѣхъ ступеняхъ своего служебнаго положенія былъ изслѣдователемъ, стремившимся уяснить себѣ происхожденіе подлежавшихъ его управленію дѣлъ для того, чтобы, овладѣвъ ими вполнѣ, стать потомъ распорядителемъ ихъ дальнѣйшей судьбы. Въ Татищевѣ всегда соединялся администраторъ съ ученымъ человѣкомъ, и этимъ онъ обязанъ былъ не только своимъ личнымъ дарованіямъ и наклонностямъ, но и характеру Петровской реформы. Путемъ самообразованія Татищевъ достигъ значительныхъ для своего времени познаній въ разныхъ отрасляхъ науки, но на первыхъ порахъ средства къ пріобрѣтенію ихъ даны были Петромъ, три раза посылавшимъ его за границу; а въ самомъ направленіи, которое приняли его ученыя занятія, отразились совѣты и указанія тѣхъ административныхъ и ученыхъ дѣятелей, съ коими онъ встрѣчался въ первой половинѣ своей жизни. Его свѣдѣнія имѣли почти энциклопедическій характеръ, но обращены были преимущественно на изученіе Россіи и ея населенія въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Изученіе русской исторіи и географіи могли итти въ началѣ XVIII столѣтія только одновременно, помогая взаимно другъ другу; работы Татищева и происходили въ такомъ направленіи, но для нихъ нужны были образцы и руководства.

Еще древняя Русь, столь любившая лѣтописное дѣло, была охотницей до чтенія географическихъ сочиненій. Существовало нѣсколько переводовъ, такъ называемыхъ космографій, сирѣчь всемірнаго описанія земель. Въ большихъ лѣтописныхъ сборникахъ и хронографахъ XVII вѣка встрѣчались отрывки географическаго содержанія и описанія отдѣльныхъ государствъ. Въ началѣ XVIII вѣка явился пере-

водъ сочиненія Филиппа Клювера, знатока многихъ языковъ, жившаго въ молодости въ Польшѣ и потомъ издавшаго въ 1629 году „Introductio in universam geographiam tam veterem, quam novam". Несмотря на свое скромное заглавіе, это „введеніе во всю географію новую и древнюю" состояло изъ шести томовъ. Оно было первымъ географическимъ учебникомъ въ рукахъ образованныхъ русскихъ людей XVIII. вѣка. Его зналъ и Татищевъ. Но главными для него пособіями по географической части были: лексиконъ Мартиньера въ нѣмецкомъ переводѣ Гейнсіуса и два руководства по общей географіи Бернарда Варенія и Іоганна Гибнера, пользовавшіяся большою извѣстностью въ то время и переведенныя при Петрѣ на русскій языкъ. Знаменитый авторъ „Космоса", Александръ фонъ-Гумбольдтъ, считалъ „Генеральную Географію" Варенія замѣчательнымъ явленіемъ въ географической литературѣ. „Варенію",—говоритъ онъ въ своемъ „Космосѣ", „принадлежитъ неувядаемая слава за то, что онъ, исполненіемъ опыта всеобщей и сравнительной географіи, сильно привлекъ на эту науку вниманіе Ньютона; но при несовершенствѣ вспомогательныхъ наукъ, изъ которыхъ черпалъ Вареній, самая обработка не могла отвѣчать величію его предпріятія".—Несмотря на эти недостатки, Гумбольдтъ называетъ книгу Варенія въ высшей степени важною; ибо, заключая въ себѣ физическое землеописаніе, она обнимаетъ въ общемъ и частью въ сравнительномъ очеркѣ всѣ теллурическія явленія, а касаясь народовъ, населяющихъ землю, предлагаетъ о нихъ такія подробности, которыя въ наше время составляютъ задачу этнографіи. Насколько географія обязана стоими успѣхами Варенію, на это, между прочимъ, не разъ указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ и авторъ многотомной „Nouvelle géographie universelle" Эл. Реклю, замѣтившій, что Вареній съ успѣхомъ опровергъ Декартовское объясненіе приливовъ и отливовъ давленіемъ луны на атмосферу и первый описалъ гольфштремъ, хотя и не привелъ его названія. Книга Варенія представляла собою весьма

объемистое сочиненіе (въ русскомъ переводѣ 1718 г. 647 страницъ, не считая чертежей и рисунковъ), и по изложенію своему требовала отъ читателя значительныхъ свѣдѣній въ математическихъ и физическихъ наукахъ, а также въ политической и культурной исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сочиненіе Варенія принесло большую пользу Татищеву: оно давало ему въ руки богатый запасъ ученымъ образомъ изложенныхъ географическихъ свѣдѣній и знакомило съ теоретическими взглядами того времени на различные географическіе вопросы и съ пріемами ихъ изученія. Что касается „Краткаго описанія земноводнаго круга“ Гибнера, изложеннаго въ вопросахъ и отвѣтахъ, то слѣдуетъ замѣтить, что оно богато было собственными именами: его номенклатура настолько обильна, что могла удовлетворять всѣмъ такого рода справкамъ, и дѣйствительно Татищевъ цитуетъ книгу Гибнера не однажды. Кромѣ того, Татищевъ имѣлъ подъ руками до двадцати описаній путешествій, совершенныхъ въ XVII и отчасти въ XVIII вѣкахъ по разнымъ странамъ свѣта и отчасти по Россіи, изъ коихъ черпалъ фактическія свѣдѣнія по землевѣдѣнію. Въ 43 главѣ перваго тома своей „Исторіи Россійской“ Татищевъ изложилъ усвоенныя имъ изъ тогдашней ученой литературы понятія о географіи и ея отношеніяхъ къ математикѣ, астрономіи и физикѣ: здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ, что занимающійся географіей хотя и не обязанъ производить самостоятельныя исчисленія въ области сферической тригонометріи и астрономическія наблюденія, но долженъ быть знакомъ съ ними, чтобы понимать математическую сторону земныхъ явленій; точно также ему надо быть знакомымъ съ физикой, въ примѣръ чего приводилъ предисловіе въ географіи Христіана Вольфа. Упомянувъ затѣмъ о связи географіи съ исторіей, онъ останавливаетъ особое вниманіе на картографическихъ работахъ, произведенныхъ французской Академіей и на такихъ же работахъ въ Швеціи, начатыхъ по повелѣнію Карла XI и поддержанныхъ государственнымъ сеймомъ, не пожалѣвшимъ на то никакихъ издержекъ.

1) Замѣчанія Татищева на донесеніе геодезиста Шишкова, который былъ посылаемъ имъ въ томскій и кузнецкій горный округи для описанія рудныхъ мѣстъ и сочиненія обстоятельныхъ имъ ландкартъ; 2) отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ Татищева о живущихъ въ Сибири народахъ, частью заимствованныхъ изъ извѣстныхъ тогда книгъ: „Статъ сибирскій", путешествіе Ланга и описаніе сѣверо-восточныхъ частей Европы и Азіи Страленберга; 3) нѣсколько главъ изъ Сибирской географіи онъ послалъ въ 1736 году въ Академію Наукъ и 4) обширныя „примѣчанія на книгу Страленберга", переданныя также въ Академію. Послѣднія заслуживаютъ, чтобъ мы остановили на нихъ свое вниманіе. Отозвавшись съ похвалой о задачѣ, которую имѣлъ предъ собою Страленбергъ и отчасти объ исполненіи ея, которымъ, по мнѣнію Татищева, онъ во многихъ обстоятельствахъ свѣта окно отворилъ, нашъ историкъ соглашается съ авторомъ, что знаніе восточныхъ языковъ, а въ томъ числѣ и сибирскихъ, можетъ объяснить многое въ вопросѣ о происхожденіи народовъ и, одобряя нѣкоторые изъ его выводовъ, предлагаетъ 147 поправокъ неправильнаго написанія русскихъ названій въ сочиненіи Страленберга латинскими письменами. Затѣмъ онъ дѣлаетъ 225 замѣчаній на неправильное изложеніе или освѣщеніе разныхъ событій. Наконецъ, около того же времени Татищевъ выслалъ въ Академію Наукъ 13 картъ разныхъ мѣстностей Уфимскаго, Оренбургскаго, Пермскаго и Тобольскаго краевъ.

Когда Академіей былъ изданъ „Россійскій атласъ", то Шумахеръ, препроводивъ экземпляръ его Татищеву въ Астрахань, спрашивалъ мнѣнія объ этомъ атласѣ, а черезъ годъ писалъ о томъ же Татищеву и президентъ Академіи графъ Разумовскій. Татищевъ отвѣчалъ Шумахеру, между прочимъ: „весьма радуюся, что академическій трудъ въ россійской географіи такъ далеко произшелъ, что мы до полученія совершенныхъ провинціальныхъ и уѣздныхъ картъ сами довольствоваться съ пользою можемъ и трудившихся въ томъ

всякъ благодарить причину имѣетъ". Но такъ какъ никакое дѣло не можетъ быть совершенно при его начинаніи, то Татищевъ и сообщаетъ свои замѣчанія на атласъ. Прежде всего онъ не согласенъ съ мыслью, высказанною въ предисловіи къ атласу, „яко бы у насъ о географіи прилежанія прежде не было; оное ошибка, говоритъ Татищевъ: „извольте посмотрѣть въ моемъ предъизвѣщеніи (къ Исторіи россійской), которое списавъ въ запасъ, если прежнее не отыщется, при семъ посылаю". Далѣе онъ замѣчаетъ, что многія рѣки, озера, острова и горы, весьма извѣстныя по своимъ именамъ, не подписаны въ атласъ, либо по винѣ геодезистовъ, либо при передѣлкѣ Кирилловымъ: для пополненія этихъ пропусковъ Татищевъ посылалъ въ Академію книгу „Большой Чертежъ", исправленную имъ самимъ по многимъ спискамъ и мѣстами снабженную примѣчаніями, прося Академію напечатать ее. Указывая на нѣкоторыя погрѣшности въ опредѣленіи границъ Кіевской губерніи съ Турціей и Астраханской съ Персіей, Татищевъ обѣщалъ выслать составляемую въ Астрахани подъ его руководствомъ карту мѣстности отъ Яика къ Эмбѣ и далѣе до Мангышлака и жалѣлъ, что Академія не прислала никакихъ замѣчаній на отправленныя къ ней прежде сообщенія: о прибыли и убыли воды въ Каспійскомъ морѣ въ тридцатилѣтній періодъ и о положеніи астраханскихъ буеровъ отъ западу къ востоку, какъ изображено было въ отправленномъ въ Академію чертежѣ. Далѣе онъ извѣщалъ, что ожидаетъ выписанный для него изъ Англіи квадрантъ, при помощи котораго надѣялся опредѣлить подлинную широту, а при случаѣ луннаго затменія и долготу Астрахани. Въ письмѣ къ Разумовскому, отправленномъ уже изъ села Болдина, гдѣ Татищеву пришлось провести послѣдніе годы жизни, указаны были изъ недостатковъ атласа отсутствіе на немъ нѣкоторыхъ изъ весьма извѣстныхъ населенныхъ мѣстъ. Но главное замѣчаніе касается того, что для отдѣльныхъ картъ атласа не выбрано какого-нибудь одного основанія. При этомъ Татищевъ посылалъ Разумов-

скому нѣсколько новыхъ сочиненій о народахъ, обитавшихъ въ Россіи.

Въ 1744 году Татищевъ выслалъ обѣщанную въ письмѣ къ Шумахеру карту астраханскихъ мѣстъ въ Сенатъ и Академію Наукъ. Къ тому же году относится обработка матеріаловъ, заготовленныхъ имъ для „географическаго, историческаго, политическаго и гражданскаго лексикона“ и остановившихся предъ словомъ „Клязьма“, хотя уже съ буквы Е начинаютъ попадаться слова, объясненія которыхъ или не докончены, или вовсе не начаты. Но что матеріалъ былъ собранъ на весь лексиконъ, это доказывается сохранившеюся въ академической библіотекѣ рукописью: „званія городовъ, урочищъ, рѣкъ, озеръ, чиновъ, фамилій, денегъ и обстоятельствъ, въ Россіи употребляемыхъ, собраны для обстоятельнаго описанія въ статскомъ историческомъ лексиконѣ, что куда принадлежитъ“. Эта рукопись заключаетъ въ себѣ до 2000 словъ отъ Клязьмы до Яузы, съ самыми краткими замѣтками при нихъ, а часто и вовсе безъ замѣтокъ; матеріаловъ же для болѣе подробныхъ объясненій, какими сопровождаются въ печатномъ „Лексиконѣ“ слова отъ А до Клязьмы, въ названной рукописи нѣтъ. Въ изданныхъ трехъ первыхъ частяхъ „Лексикона“ (311, 216 и 217 стр.; СПБ. 1793 г.) считается до 1500 словъ. Наконецъ, Татищевымъ составлены были для „Исторіи россійской“ четыре ландкарты, не дошедшія однакожъ до насъ.

Послѣ такихъ спеціальныхъ работъ по русской географіи, произведенныхъ Татищевымъ въ теченіе десяти лѣтъ, онъ рѣшился приступить къ общему обозрѣнію Россіи. Хотя онъ и не успѣлъ вполнѣ достигнуть этой цѣли, но въ двухъ сочиненіяхъ, представляющихъ попытку самостоятельной обработки русской географіи въ видѣ краткаго руководства, собраны имъ всѣ данныя для того. Сочиненія эти: 1) „Введеніе къ историческому и географическому описанію Великороссійской имперіи. Часть первая, въ которой какъ древнее и нынѣшнее состояніе великаго государства и обитающихъ

въ немъ народовъ, такъ и другія къ вѣдѣнію принадлежащія обстоятельства по возможности и на первый случай къ сочиненію исправнѣйшей исторіи вновь собраны и кратко описаны" (въ библіотекѣ Академіи Наукъ) и 2) „Россіа или какъ нынѣ зовутъ Россія". Первая изъ названныхъ статей имѣетъ болѣе описательный характеръ, состоитъ изъ 14 главъ, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о природѣ всей имперіи, ея произведеніяхъ по всѣмъ тремъ царствамъ естественно-историческимъ, и сообщаетъ даже извѣстія о школахъ, арміи и флота. Во второй статьѣ преобладаетъ топографическая номенклатура. Изъ нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся въ названныхъ статьяхъ, видно, что такой географическій обзоръ Татищевъ считалъ полезнымъ пособіемъ при обработкѣ русской исторіи и, стало быть, высказывалъ мысль обратную той, подъ вліяніемъ которой счелъ въ 1719 году необходимымъ заняться русскою исторіей прежде, чѣмъ приступить къ составленію географіи Россіи.

Всего сказаннаго совершенно достаточно для того, чтобы считать Татищева не только русскимъ историкомъ, но и географомъ. Переходимъ къ историческимъ трудамъ его.

Допетровская Русь знакомилась съ родною исторіей изъ лѣтописныхъ сборниковъ, въ которыхъ нуждались правительство и Церковь, родовитые и служилые люди, а какъ полезное чтеніе—любили всѣ грамотные; событія же всеобщей исторіи они узнавали изъ сборниковъ, носившихъ названіе хронографовъ. Никто однакожъ не думалъ не только о провѣркѣ извѣстій, заключавшихся въ лѣтописяхъ и хронографахъ, о пополненіи ихъ свѣдѣніями о народной и общественной жизни изъ актовъ историко-юридическаго содержанія, или на основаніи вещественныхъ памятниковъ, но даже о сводѣ лѣтописныхъ извѣстій воедино и потомъ о составленіи краткаго извлеченія изъ него: ибо такъ называемый „Синопсисъ" Иннокентія Гизеля, появившійся въ Кіевѣ, не удовлетворялъ даже и послѣднему изъ названныхъ требованій. Потребность въ критической обработкѣ русской исторіи

могла возникнуть только послѣ знакомства съ подобными же попытками относительно всеобщей исторіи, существовавшими въ западныхъ европейскихъ литературахъ. Но и тамъ большая часть историческихъ сочиненій, появившихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ, написана была подъ вліяніемъ средневѣковой схоластики и богословскихъ воззрѣній, и несравненно меньшее число историческихъ сочиненій, появившихся уже во второй половинѣ XVII вѣка, написано было подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя внесены въ политическія и государственныя науки ученіями Гуго Гроція и Гоббеса, а къ изученію исторіи примѣнены въ сочиненіяхъ Пуфендорфа. Любопытно, что при Петрѣ переведены были на русскій языкъ два многотомныхъ сочиненія, вышедшихъ изъ подъ пера писателей богословскаго направленія: Annales ecclesiastics кардинала Баронія, подъ титуломъ „Дѣянія церковная и гражданская“ въ сокращеніи противъ подлинника, и сочиненіе протестантскаго епископа Стратемана „Theatrum historicum“, подъ титуломъ „Ѳеатронъ или позоръ историческій“; и въ то же время появилось въ двухъ послѣдовательныхъ изданіяхъ на русскомъ языкѣ „Введеніе въ европейскую исторію“ Пуфендорфа, извѣстнаго своими лекціями по народному и естественному праву въ Гейдельбергскомъ университетѣ. И Бароній, и Стратеманъ служили Татищеву для справокъ, но принципіальное вліяніе на политическіе и историческіе взгляды Татищева принадлежало Пуфендорфу. Онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ писателей, къ которымъ Татищевъ относился съ особенною любовію и на мнѣнія которыхъ онъ опирался при оцѣнкѣ такихъ политическихъ событій, которыя были выдающимися въ исторіи народовъ, поворотными въ ихъ судьбѣ.

Заставляя переводить на русскій языкъ сочиненія по всеобщей исторіи, Петръ Великій думалъ и о составленіи исторіи русской. Сначала этимъ дѣломъ занимался, но неудачно, одинъ изъ наставниковъ царевича Алексѣя, баронъ Гюйсенъ, ограничившійся собираніемъ матеріаловъ „къ описанію Рос-

сійской Исторіи“ и искавшій лѣтописей, родословій и разныхъ свѣдѣній изъ приказовъ и монастырей, а въ 1717 году приглашенъ былъ въ качествѣ исторіографа аббатъ Иванъ Крушала или Яганъ Крусала, родомъ словенецъ, проживавшій въ Венеціи. Этотъ славянинъ, получавшій по 300 руб. въ годъ, еще менѣе сдѣлалъ, чѣмъ Гюйсенъ; онъ „имѣлъ приказанную ему исторію сочинять и къ совершенству приводить“, для чего при немъ состояли пять переводчиковъ; однакожъ Крушала, по отзыву секретаря иностранной коллегіи, хотя и именованъ былъ исторіи описателемъ, но той исторіи не сочинялъ, и былъ отпущенъ въ Италію въ іюнѣ 1730 года. Пока тратились напрасно деньги на нѣмецкаго барона и славянскаго аббата, Татищевъ, по собственному почину, изъ чистыхъ побужденій любознательности, сталъ заниматься изслѣдованіемъ русскихъ древностей и собираніемъ матеріаловъ для русской исторіи вообще. Ближайшимъ поводомъ къ этимъ занятіямъ было желаніе пріобрѣсти при ихъ помощи необходимую подготовку къ составленію русской географіи. Еще въ промежутокъ между первою и второю поѣздкою на Уралъ, въ 1722 году, Татищевъ, по собственному его признанію, уже показывалъ Брюсу и Ѳеофану Прокоповичу, конечно, только начатки своего труда, какіе только успѣлъ изготовить къ тому времени. Вернувшись въ Петербургъ изъ второй поѣздки на Уралъ, въ концѣ 1723 года, онъ получилъ отъ графа Рагузинскаго извѣстную „Исторіографію славянскаго народа“ Мавро-Урбина и уже былъ настолько свѣдущъ въ славянорусскихъ древностяхъ, что, прочитавъ половину этой книги, пожалѣлъ о бумагѣ и потеряномъ времени, найдя въ прочитанной книгѣ много басенъ и сущихъ лжей. Провѣряя указатель книгъ, прочитанныхъ будто бы Мавро-Урбиномъ, Татищевъ убѣдился, что авторъ многихъ изъ нихъ и не видалъ. Это замѣчаніе показываетъ, что Татищевъ уже тогда обладалъ большою начитанностью.

Поѣздка въ Швецію много содѣйствовала расширенію историческихъ свѣдѣній Татищева и особенно помогла тѣмъ,

что дала ему опредѣленную программу для изученія сѣверныхъ древностей. Знакомство съ княземъ В. М. Голицынымъ и другими дѣятелями того же времени обогатили историческія выписки Татищева многими матеріалами, извлеченными изъ рукописей, принадлежавшихъ этимъ лицамъ, на что и встрѣчаются довольно частыя ссылки въ его „Исторіи Россійской". Въ своей „Духовной", написанной въ 1734 году, Татищевъ говоритъ сыну: „исторію русскую, хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь и къ оной примѣчанія и дополнки изъ чужестранныхъ книгъ, выписанныя на разныхъ бумагахъ, если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать". Но занятія отечественною исторіею, во времена Анны Іоанновны, были крайне затруднительны. Даже Академія Наукъ, учрежденная самимъ правительствомъ и обязанная распространять знанія въ Россіи, встрѣчала неодолимое препятствіе къ тому въ обстоятельствахъ времени. Особенно трудно было заниматься русскою исторіею: такъ, напримѣръ, коллегіямъ, имѣвшимъ при себѣ архивы старыхъ дѣлъ, запрещаемо было сообщать профессорамъ и адъюнктамъ Академіи какія либо извѣстія, описанія или книги изъ страха, что эти извѣстія могутъ быть напечатаны за границей. Въ 1734 году Академія представляла было Сенату о намѣреніи своемъ издать древнія русскія лѣтописи и хронографы, не перемѣняя въ нихъ ни нарѣчія, ни матеріи, исключая изъ нихъ только мѣста, касающіяся древности, и выражала надежду, что чрезъ то русская исторія будетъ приведена современемъ въ лучшую ясность; Сенатъ передалъ представленіе Академіи Синоду и послѣдній отвѣчалъ: „разсуждаемо было, что въ академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно". Причиною своего опасенія Синодъ выставлялъ нѣкоторыя ложныя извѣстія, встрѣчающіяся въ историческихъ памятникахъ, впрочемъ, не особенно важныя, и полагалъ, что отъ такихъ извѣстій можетъ произойти соблазнъ въ народѣ, а кромѣ того, самый

„штиль“ лѣтописей будетъ „воспящать“ охотѣ къ чтенію ихъ: „того ради не безопасно, дабы не принеслось оттого казенному капиталу какого ущерба“. Невольно приходилось Татищеву тратить свои капиталы на собираніе матеріаловъ для русской исторіи. На немъ одномъ въ то время лежало дѣло, которое выполняли во времена Екатерины сама императрица, Академія Наукъ, типографская компанія Новикова, отчасти синодальная типографія и нѣсколько любителей отечественной исторіи, въ родѣ князя Щербатова, генералъ-маіора Болтина и другихъ. Но, собирая историческіе матеріалы, они могли тотчасъ же и печатать ихъ. У Татищева не было этого утѣшенія: онъ работалъ надъ русскою исторіей почти безъ увѣренности видѣть свой трудъ напечатаннымъ.

Многосложныя служебныя занятія, державшія его вдали отъ Петербурга и Москвы, мѣшали ему обработывать русскую исторію. Онъ могъ только собирать матеріалъ и отдѣлывать свой трудъ по частямъ. Правда, пріѣхавъ въ Петербургъ, въ 1739 году, онъ показывалъ многимъ составленную имъ „Исторію россійскую“, требуя совѣтовъ и замѣчаній, но встрѣтилъ порицаніе съ двухъ сторонъ. Одни, держась того же мнѣнія, какое высказалъ, въ 1734 году, Синодъ въ отвѣтъ на сообщенное ему Сенатомъ представленіе Академіи Наукъ, находили, что нѣтъ никакой надобности ни поправлять историческіе сборники, оставшіеся отъ древней Руси, ни пополнять ихъ, и потому считали трудъ Татищева отчасти напраснымъ, отчасти вольнодумнымъ. Другіе, напротивъ, ожидали отъ Татищевскаго труда краснорѣчиваго изложенія и философскихъ взглядовъ на русскую исторію, но, встрѣтивъ въ немъ простой сводъ лѣтописныхъ извѣстій, считали его трудъ ненаучнымъ. Чтобы избѣжать порицаній въ вольнодумствѣ, Татищевъ давалъ свою исторію на просмотръ Ѳеофану Прокоповичу, который сократилъ въ ней изложеніе нѣсколькихъ церковно-историческихъ событій, въ томъ числѣ и разсужденіе Татищева о монастыряхъ и учи-

лищахъ. Порицавшимъ отсутствіе философскихъ взглядовъ въ его исторіи Татищевъ могъ отвѣчать только приглашеніемъ самимъ испробовать свои силы и написать лучшее, если могутъ. Нельзя сомнѣваться однакожъ въ двухъ послѣдствіяхъ этой попытки Татищева подвергнуть свой трудъ на общее обсужденіе: имѣя съ разныхъ сторонъ указанія на необходимость пополнить его изложеніе новыми данными о нѣкоторыхъ событіяхъ, а иныя сопоставить съ событіями изъ жизни другихъ народовъ, Татищевъ получилъ новыя побужденія къ переработкѣ и пополненію своего труда; съ другой стороны, встрѣтивъ не одни только возраженія и порицанія, а частью и одобренія своему предпріятію, Татищевъ въ это же время раздалъ нѣкоторыя главы изъ первой книги своей Исторіи знакомымъ ему любителямъ отечественной исторіи. Этимъ объясняется существованіе такъ называемаго „Предъизвѣщенія къ Исторіи“ въ нѣсколькихъ редакціяхъ: въ болѣе раннихъ рукописяхъ оно гораздо короче, ибо обнимаетъ собою меньшее число главъ, и стало быть и объясняемыхъ въ нихъ вопросовъ, и кромѣ того, внесенныя въ нихъ главы изложены мѣстами короче противъ позднѣйшихъ рукописей...

„Исторія Россійская“ Татищева, составляющая сводъ лѣтописныхъ извѣстій о русской исторіи до смерти Ивана Грознаго, а въ неизданныхъ, впрочемъ отрывочныхъ матеріалахъ захватывающая и событія XVII вѣка, такъ часто обращала на себя вниманіе русскихъ писателей, начиная съ Ломоносова, Миллера и Болтина до Соловьева и современныхъ намъ изслѣдователей, причемъ о главныхъ ея сторонахъ такъ много говорилось въ нашей исторической литературѣ, что я позволяю себѣ не останавливаться на ея содержаніи.

Обращу вниманіе лишь на одно пожеланіе Татищева, какъ историка, высказанное въ разныхъ мѣстахъ его книги. Онъ просилъ, чтобы Синодъ повелѣлъ во всѣхъ монастыряхъ всякія древнія письменныя книги, тетради, грамоты и прочее обстоятельно описать и подъ именемъ „Русской Библіотеки“ напечатать, чтобы „желающіе въ исторіи церковной и граж-

данской трудиться—могли знать, гдѣ что сыскать могутъ, что и монастырямъ немалый доходъ и пользу принесетъ". Естественное желаніе, ибо начало русскихъ лѣтописей вышло изъ монастыря, въ продолженіи лѣтописнаго дѣла принимали участіе монастыри, а учрежденіе типографій и распространеніе научныхъ знаній въ Россіи послѣ Петра давали русскимъ монастырямъ могущественное средство къ обнародованію и даже обработкѣ того обширнаго матеріала, который накопленъ былъ въ теченіе вѣковъ ихъ предшественниками. Съ такимъ же желаніемъ обращался Татищевъ и къ Академіи Наукъ, которая была тогда не только центральнымъ, но и единственнымъ учрежденіемъ, представлявшимъ науку въ Россіи.

9457

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Предисловіе	1
1. Духовная сыну моему гл. I.	1
» II.	10
» III.	11
» IV.	—
» V.	16
» VI.	18
» VII.	19
» VIII.	24
» IX.	28
» X.	30
» XI.	32
» XII.	34
2. Предсмертное увѣщаніе сыну	33
3. Изъ предувѣдомленія къ Исторіи Россійской	45

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ СОЧ. ТАТИЩЕВА.

I. Разговоръ о пользѣ наукъ, *ст. К. Н. Бестужева-Рюмина.*	49
II. Исторія Россійская. *Изъ ст. С. М. Соловьева.*	57
III. Историко-политическія сочиненія. *Изъ ст. Караулова.*	63
IV. Ученые труды Татищева, *ст. Н. Попова.*	67

— Julii Caesaris commentarii de bello Gallico. Съ географическимъ указателемъ и примѣчаніями. Изд. 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

— Руководство къ изученію Латинскаго языка, составленное по Кюнеру. Изд. 15-е. Спб. 1889. Ц. 1 р. 15 к.

Ободовскій. Краткая всеобщая географія. Изд. 14-е, пересмотрѣнное. Ц. 70 к.

— Учебная книга всеобщей географіи. Изд. 14-е, исправлен. Спб. Ц. 1 р.

— Обозрѣніе земнаго глобуса. Изд. 7-е, исправл. съ краткою географіею. Россіи. Ц. 30 к.

Ожаровскій. Собраніе ариѳметическихъ примѣровъ и задачъ. Въ 2-хъ отд. Изд. 4-е, исправленное. Спб. Ц. 75 к.

О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи. Спб. Ц. 75 к.

Пенинскій. Книга для чтенія и упражненій въ языкѣ. Составлена для уѣздныхъ училищъ и низшихъ классовъ гимназій. Изд. 7-е. Спб. Ц. 45 к.

Петровъ. П. Исторія Санктъ-Петербурга съ 1703—1782 г. Спб. 1885. Ц. 8 р.

Программы испытанія въ коммисіи историко-филологической. Спб. 1889. Ц. 15 к.

Программы испытанія въ коммисіи юридической. Спб. 1889. Ц. 15 к.

Программы дополнительнаго испытанія по агрономіи съ зоотехніей, по технической химіи и по географіи. Спб. 1889. Ц. 10 к.

Программы испытаній въ коммисіи физико-математической по отдѣленію математическихъ наукъ. Спб. 1889. Ц. 15 к.

Программы испытаній въ коммисіи физико-математической по отдѣленію естественныхъ наукъ. Спб. 1889. Ц. 15 к.

Раевскій. Таблицы для опредѣленія семействъ и родовъ петербургской флоры. Спб. Ц. 30 к.

— Приготовительный курсъ ботаники. Составлено по Любену. Изд. 10. Спб. Ц. 75 к.

— Краткій учебникъ географіи. Ч. 1. Описаніе земнаго шара. Изд. 5-е. Спб. 1894. Ц. 50 к.

— Краткій учебникъ географіи. Ч. 2. Внѣевропейскія страны. Изд. 5-е. Спб. 1894. Ц. 65 к.

— Краткій учебникъ географіи. Ч. 3. Западная Европа. Спб. 1893. Ц. 65 к.

— О построеніи и черченіи картъ, съ 34 черт. М. 1889. Ц. 45 к.

— Географія, какъ наука и учебный предметъ. Изд. 3-е. Спб. 1895. Ц. 75 к.

— Ботаника для реальныхъ училищъ. Спб. 1894. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. Спб. 1894. Ц. 85 к.

— Систематическій курсъ ботаники. Спб. 1894. Ц. 1 р.

— Краткая ботаника. Спб. 1895. Ц. 70 к.

— Краткая зоологія. Спб. 1895. Ц. 75 к.

Румпель. Философская пропедевтика или основаніе логики и психологіи. Спб. 1890. Ц. 75 к.

Русскій букварь (новый); для дѣтей. Изд. 10-е. Спб. 1889. Ц. 3 к.

Семеновъ. Лѣто. Зима. Осень. Весна. Четыре большіе раскрашенныя литографированныя картины для нагляднаго обученія. Наклеенныя на холстѣ. Ц. каждой отдѣльно 4 руб.

— Комментарій къ наглядному обученію по картинамъ. Спб. 1880. Ц. 35 к.

— Опытъ методическаго руководства къ преподаванію роднаго языка по книгѣ «Даръ Слова». Спб. 1881. Ц. 50 к.

— Упрощенный учебникъ русской грамматики, въ связи съ практическими упражненіями:

— Вып. 1-й. Составъ рѣчи. Изд. 2. Спб. 1882. Ц. 20 к.

— Вып. 2-й. Этимологія. Изд. 2-е. Спб. 1885. Ц. 35 к.

— Упрощенный элементарный курсъ русской грамматики, для приготовительныхъ классовъ гимназій, прогимназій и для городскихъ школъ. Спб. 1877. Ц. 15 к.

— Начальныя систематическія упражненія въ списываніи и диктантѣ, съ необходимыми правилами правописанія. Изд. 3-е. Спб. 1883. Ц. 15 к.

— Приготовительный курсъ русскаго языка, облегчающій преподаваніе и пониманіе грамматики. Спб. 1877. Ц. 15 к.

Скопинъ и Кеневичъ. Сборникъ произведеній русской литературы. Пособіе при преподаваніи исторіи литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ч. 1-я до Петровскій періодъ. Изд. 3. Спб. 1878 Ц. 1 р.

Собольщиковъ. Что надо дѣлать въ домахъ противъ холода, сырости и духоты. Съ 40 рис. въ текстѣ. Спб. Ц. 1р.

Тихановой. Ласточка. Разсказы для юношества. Спб. 1894. Ц. 1 р. 50 к.

Тургеневъ. Полное собраніе сочиненій, 10 томовъ съ портретомъ автора и факсимиле. Изд. 3-е. Спб. 1891. Ц. 15 р.

— Записки охотника. Полное собраніе очерковъ и разсказовъ 1847—1876. 8 стереотипное изд. Спб. 1893. Ц. 1 р. 50 к.

Филоновъ. Русская христоматія съ примѣч. для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній:

— Т. I. Эпическая поэзія. Изд. 7. Спб. 1887. Ц. 1 р. 30 к.

— Т. II. Лирическая поэзія. Изд. 5-е. Спб. 1884. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. III. Драматическая поэзія. Изд. 5. Спб. 1883. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. IV. Проза. Изд. 3. Спб. 1882. Ц. 1 р. 60 к.

— Поэтъ Пушкинъ. Общедоступное чтеніе. Изд. 2-е. Спб. 1893. Ц. 50 к.

Французскіе, нѣмецкіе и русскіе общественные разговоры, съ присовокупленіемъ употребительнѣйшихъ словъ и краткихъ рѣченій для упражненія. Изд. 8. Спб. 1889. Ц. 50 к.

Цытовичъ. Свойство пропорцій и основанныя на ономъ свойствѣ рѣшенія нѣкоторыхъ задачъ. Спб. 1874. Ц. 30 к.

Шиховскій. Краткая ботаника. Курсъ гимназическій. Изд. 4, съ атласомъ 29 таблицъ изображеній и рисунками въ текстѣ. Спб. 1862 Ц. 1 р. 50 к.

Щербина. Пчела. Сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Съ картинками, изд. 7. Спб. 1882. Ц. 1 р. 50 к.

ДОСТУПНАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 1. **Тургеневъ.** Пѣвцы, разсказъ. Спб. 1895. Ц. 10 к.

№ 2. — Одподворецъ Овсянниковъ, разсказъ. Спб. 1884. Ц. 4 к.

№ 3. **Тургеневъ.** Хорь и Калинычъ, разсказъ. Спб. 1884. Ц. 4 к.

№ 4. — Малиновая вода, разсказъ. Спб. 1884. Ц. 4 к.

№ 5. — Льговъ, разсказъ. Спб. 1884. Ц. 4 к.

№ 6. — Бѣжинъ Лугъ, разсказъ. Спб. 1895. Ц. 10 к.

№ 7. — Касьянъ съ Красивой мечи, разсказъ. Спб. 1885. Ц. 5 к.

№ 8. — Бирюкъ, разсказъ. Изд. 2-е. Спб. 1895. Ц. 8 к.

№ 9. — Лебедянь, разсказъ. Спб. 1884. Ц. 4 к.

№ 10. — Живыя мощи, разсказъ. Спб. 1894. Ц. 10 к.

№ 11. — Стучитъ, разсказъ. Спб. 1885. Ц. 4 к.

№ 12. — Лѣсъ и степь, разсказъ. Спб. 1885. Ц. 5 к.

№ 13. Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, рѣчь. Спб. 1885. Ц. 5 к.

№ 14. — Пегасъ, разсказъ. Спб. 1888. Ц. 4 к.

№ 15. — Пожаръ на морѣ, разсказъ. Спб. 1888. Ц. 5 к.

№ 16. — Муму, повѣсть. Спб. 1894. Ц. 10 к.

№ 17. — Поѣздка въ Полѣсье, разсказъ. Спб. 1885. Ц. 6 к.

№ 18. — Собака, разсказъ. Спб. 1885. Ц. 4 к.

№ 19. — Бригадиръ, разсказъ. Спб. 1885. Ц. 7 к.

№ 20. — Стукъ.... стукъ.... стукъ...! разсказъ. Спб. 1885. Ц. 10 к.

№ 21. — Перепелка, разсказъ. Спб. 1889. Ц. 4 к.

№ 22. — Постоялый дворъ, разсказъ. Спб. 1893. Ц. 15 к.

№ 23. **Жуковскій.** Агасверъ, вѣчный жидъ. Поэма. Спб. 1893. Ц. 30 к.

№ 24. — Котъ въ сапогахъ. Овсяный кисель. Свѣтлана. Спб. 1896. Ц. 15 к.

№ 25. **Студитскій.** Школа въ лѣсу. Изд. 3. Разсказъ. Спб. 1893. Ц. 10 к.

№ 26. **Жуковскій.** Сказка о спящей царевнѣ. Спб. 1895. Ц. 10 к.

№ 27. — Сказка о Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ. Спб. 1895. Ц. 15 к.

№ 28. — Сказка о царѣ Берендѣѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ, о хитростяхъ Кощея Безсмертнаго и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери. Спб. 1895. Ц. 10 к.

DK 127.5 .T3 A57
Dukhovnaia moemu synu
Stanford University Libraries
3 6105 041 475 976

DK
127.5
T3A57

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

DEC 12 2002
JAN 06 2003